

реальные истории
из жизни современных
писателей

АЛЮШИНА ТАТЬЯНА • БИРМАН ДМИТРИЙ
БОРИСОВА АРИАДНА • ВЕДЕНСКАЯ ТАТЬЯНА •
• ВОЛКОВ РОМАН • ВОРОНОВА МАРИЯ •
• ГАДОЛЬ АЛЕКСАНДР • ГОРЮНОВА ИРИНА •
• ЕСИПОВ ВИКТОР • ЖДАНОВ ОЛЕГ •
• КЛИМОВА ЮЛИЯ • КОРСАКОВА ТАТЬЯНА •
• КУЦЕНКО НИКОЛАЙ • ЛАВРЕНТЬЕВ МАКСИМ •
• ЛАЗАРЕВА ЯРОСЛАВА • ЛУНИНА АЛИСА •
• МАТКОВСКИЙ МАКСИМ • МОЛЧАНОВА ИРИНА
ПОКРОВСКАЯ ОЛЬГА • РАЙТ ЛАРИСА •
• РОЙ ОЛЕГ • РУБАЛЬСКАЯ ЛАРИСА •
• САДЛОВСКАЯ МАРИЯ • СЕНЧИН РОМАН •
• ТРОНИНА ТАТЬЯНА • ФОРШ ТАТЬЯНА •
ЧИЖ АНТОН • ЩЕГЛОВА ИРИНА •
ЮРЬЕВА ВЛАДА •

МОЯ ПЕРВАЯ
ЛЮБОВЬ

Перемены к лучшему

Олег Рой

Моя первая любовь (сборник)

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рой О. Ю.

Моя первая любовь (сборник) / О. Ю. Рой — «Эксмо»,
2017 — (Перемены к лучшему)

ISBN 978-5-699-99409-0

Серия «Перемены к лучшему» – это сборники реальных позитивных историй из жизни современных писателей. Забыть свою первую любовь невозможно. Была ли она счастливой или несчастной, разделенной или обреченной на непонимание, это чувство навсегда останется в сердце каждого человека, так или иначе повлияв на всю его дальнейшую жизнь. Рассказы из этого сборника совершенно разные – романтические, грустные, смешные, откровенные... они не оставят равнодушным никого.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99409-0

© Рой О. Ю., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Лариса Рубальская	6
Мы в садовников играли...	7
Олег Рой	16
Она стоит того, чтобы жить	17
Ариадна Борисова	28
Убить муравья	29
Роман Сенчин	37
Проба чувств	38
Мария Садловская	41
Бумажная роза	42
Алиса Лунина	49
Саша навсегда	50
Влада Юрьева	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Моя первая любовь (сборник)

- © Алюшина Т., 2017
- © Бирман Д., 2017
- © Борисова А., 2017
- © Веденская Т., 2017
- © Волков Р., 2017
- © Воронова М., 2017
- © Гадоль А., 2017
- © Горюнова И., 2017
- © Есипов В., 2017
- © Жданов О., 2017
- © Климова Ю., 2017
- © Корсакова Т., 2017
- © Куценко Н., 2017
- © Лаврентьев М., 2017
- © Лазарева Я., 2017
- © Лунина А., 2017
- © Матковский М., 2017
- © Молчанова И., 2017
- © Покровская О., 2017
- © Райт Л., 2017
- © Рой О., 2017
- © Рубальская Л., 2017
- © Розенблит М., 2017
- © Сенчин Р., 2017
- © Тренина Т., 2017
- © Форш Т., 2017
- © Чиж А., 2017
- © Щеглова И., 2017
- © Юрьева В., 2017
- © ООО «Издательство «Э», 2017

Лариса Рубальская

«Я всегда любила слушать рассказы людей. А потом пересказывать их своими словами, попутно добавляя то, что, как мне казалось, сделает сюжеты более интересными. Так появились рассказы и стихи. Теперь это стало главным в моей жизни», – рассказывает Лариса Рубальская, поэт, чье имя знают повсюду в нашей стране.

Мы в садовников играли...

Никогда я не была симпатичной, стройной тоже никогда не была. Потому-то и в моей жизни личной невеселые творились дела. За подругами бежала удача, а меня повстречает – и сразу прочь! Я сейчас, все вспоминая, не плачу, а тогда ревела каждую ночь.

Заметьте, если все, написанное выше, расположить в столбик, строчечка за строчечкой, как пишутся стихи, то именно стихотворение и получится. А стихов-то могло у меня и совсем не быть, если бы в школьные годы да и в юности моей горемычной все складывалось гладко и счастливо. Но это совсем не про меня. А про меня – дело было так. Да, вернее, дела никакого в общем-то не было, просто мне нравились белобрысые пацаны с бледно-голубыми глазами. Да еще чтоб не очень длинные, а так, чтоб на цыпочки не вставать, когда целоваться. Ну это, конечно, если желающие найдутся.

Ну вот как раз Алик такой и был, какие мне нравились. Правда, тогда, когда я в него влюбилась, он еще рос и мог вырасти в дылду. Нам было лет по двенадцать, и в то время я еще до конца не знала, откуда дети берутся. Нинка, подружка моя, говорила, что от поцелуев. И поэтому надо на всякий случай в аптеке купить гигиеническую губную помаду и красить губы, если вдруг кто-нибудь целоваться полезет. Правда-правда, мы такими дурехами были в ту – докомпьютерную – пору и до всего того, откуда мы могли это знать. А Бакланова Валька, староста наша, на ботанике что-то подозрительно хихикала, когда мы пестики с тычинками проходили. Но я всегда и во всем была опаздывающим человеком, развивалась на медленной скорости. А вот влюбилась по-настоящему почти первая из класса.

* * *

Алик Кружилин был генеральским сыночком. Неподалеку от нашей школы располагались солдатские казармы. И там, на территории, стоял дом, в котором жила семья генерала Кружилина, отца Алика. Бакланова у них дома была – подтягивала Алика по русскому языку. Она рассказывала, что хрустала в квартире генеральской видимо-невидимо: вазы всякие, конфетница-ладья. Правда, без конфет. Может быть, конфеты прислуга вынула и убрала к приходу Баклашки, чтобы не дразнить. В общем, о богатстве хрустальном Баклашка нам с Нинкой по секрету рассказала. Она, оказывается, когда по русскому подтягивала, сама дрожала от страха. Потому что напротив сидела огромная овчарка и рычала, как только Валька пробовала пошевелиться. Овчарку звали то ли Патрон, то ли Погон. Валька от страха не расслышала, а переспросить постеснялась. Родителей Кружилиных дома не было, зато прислуга ихняя дверь в комнату не закрыла и каждые пять минут заходила послушать – правильно ли Баклашка Алика подтягивает.

В общем, я влюбилась, прямо заболела даже. Правда, без температуры. Потому что, если бы температура поднялась, бабушка меня бы в школу не пустила, а мне обязательно надо было Алика видеть, чтоб не умереть от грусти.

* * *

«Было мне тогда двенадцать лет всего. Я случайно посмотрела на него...»

Это, по-вашему, что? Это из моих «ранних произведений». Не подумайте, что я помню всякую ерунду, которую писала на листочках в школьных тетрадках. Я вообще не находила, что в рифму пишу. Но вот недавно какие-то бумажки старые рвала и выкидывала, и вдруг мне в руки попала тетрадка, я открыла и прямо чуть не заплакала на листочки желтые в

клеточку. И вспомнила, что моя школьная подружка, Надька, аккуратистка и отличница, по чистописанию одни пятерки, все мои «произведения» собирала и записывала. Вот эта тетрадка и была ее ровненькими бисеринками исписана, и, промокая свои потекшие ресницы, я вспоминала, вспоминала...

Что за чем – точно не помню, но так, беспорядочно, близко к правде, расскажу.

* * *

Про то, что я влюбилась в Кружилина Алика, школа узнала очень быстро. Все потому, что написанные мной строчки точненько легли на популярную в то время мелодию под названием «Венгерское танго». Там еще припевчик был такой заманчивый: «Войдем с тобой мы в ресторанный зал, нальем вина в искрящийся бокал». А в моей песенке получилось: «Он и не взглянет в сторону мою, ему напрасно песню я пою...» Ну и так дальше. Тоже красиво вроде получилось. И как-то очень безнадежно – так девочки наши сказали, а сами песню разучили. И спели ее нам на каком-то вечере или утреннике, не помню. Ну а потом старшеклассницы, когда учили слова, узнали, что я их придумала. У меня-то там в запеве слово «мальчик» было, я не стала Алик вставлять, хотела тайну свою сердечную не раскрывать. Люблю себе и люблю. А эти дылды стали вместо «мальчик» петь имена своих пацанов – кто Юрик, кто Владик. Ну, в общем, дошло до моего героя, что это про него песня, и он меня возненавидел. До этого просто не замечал, а тут взбесился прям. Из школы шли, он меня портфелем по голове огрел, да еще в рифму крикнул: «Рубала, заткни хлебало». Грубо и жестоко. При чем тут «хлебало», когда строчки складывают сердце и душа, а их заткнуть невозможно?..

* * *

Как-то раз ехидная Нинка на физкультуре через козла прыгала и приземлилась мимо мата. Подумаешь, коленкой долбанулась! Так Алик к ней скорей подбежал, присел на корточки, на коленку дует. А там и крови-то нет. А Нинка радуется, на меня посмотрела, увидела, что я того гляди от ревности зареву, и еще сильнее разохалась. Так что после уроков Алик ее провожал до дома, портфель нес. Ну а я домой – ронять слезки и творить «бесмертные» строчки: «Я по Алику страдаю, грустно слезы проливаю. Он меня не замечает, на любовь не отвечает».

Зачем только Надька эти строчки дурацкие записывала и переписывала на чистовик?

* * *

Ура! Мы перешли в восьмой класс! Я тоже перешла, с одной четверкой... Остальные – тройки. Четверка, ясно, по поведению. Не пятерка, так как я на уроке слушала невнимательно, смотрела весь урок в окно. Вообще-то мне надо было поставить «пять с плюсом», потому что в оконном квадратике синело весеннее небо. И кто-то с небес мне диктовал строчки:

Про весну календари говорят нам в марте.
Ничего не говорит мой сосед по парте.
Он записку мне вернул, даже не читая.
Что он знает про весну? Ничего не знает.

Не так уж плохо вроде. А химичка – замечание в дневник: «Мечтает на уроке о постороннем». Ну и ладно, все-таки четверка эта мои тройки украшала. А мама с папой поведение мое обсуждать не будут – они знают, что дочка у них хорошая, отзывчивая и добрая. Жалко только, что неуч получается – одни тройки. Правда, непонятно, почему по литературе-то «три»? Она, то есть я, стихов столько наизусть знает и читает с выражением. Это у нее, то есть у меня, с детства. В три года «Мужичок с ноготок», как артистка, на табуретке гостям читала, жмурилась на словах «был сильный мороз». Да ладно, учителям видней, ничего не поделаешь.

А «Ура!» – это потому, что мы всем классом в поход идем. С ночевкой в палатках. Это значит – ночь, луна, костер. И он рядом – Алик! И я решила его ледяное сердце поэзией растопить. Ну не дундук же он совсем, должен же понять!!!

Продумала я, как все будет, даже, можно сказать, сценарий составила.

Первым делом выучила наизусть Лермонтова «Мцыри»: «Печальный демон – дух изгнания». Особенно репетировала перед зеркалом куплет: «О, милый мой, не утаю, как я тебя люблю. Люблю, как вольную струю, люблю, как жизнь мою...» Получалось очень красиво – я закрывала глаза, прижимала руки к сердцу. Конечно, меня беспокоило, что Алик «Мцыри» может не знать и не понять. Он же все-таки из семейства «Аты-баты, шли солдаты». Но сердце-то у него есть, оно должно услышать.

А дальше события должны будут развиваться так. Чтоб костер не погас, около него будут по двое дежурить, дровишки подбрасывать. Называется это «дневальные» – так учительница объяснила. А остальные в это время пойдут спать. И вот я решила разработать хитрый план, как на это дежурство с Аликом вдвоем остаться, и тут как раз ему при помощи Мцыри в любви признаться.

Я знала, что, если дневальных будут назначать по желанию, Алик ни за что со мной не пожелает. Оставалась надежда на ехидную Нинку – он же нес ее портфель, значит, и дневалить с ней наверняка захочет. И я решила Нинку подкупить. Для этого подкупа кому-нибудь другому книжка хорошая подошла бы, но не для Нинки. И я пошла на подлость – взяла у мамы губную помаду. Правда, самой помады там почти не было, и мама сама, чтобы губы накрасить, спичкой остатки выковыривала. Но футлярчик был целый – золотой, в рубчик. Я долго боролась со стыдом – взять вещь у мамы. Но оказалось, что любовь – самое сильное из всех возможных чувств. Я решила, что потом маме во всем признаюсь и она меня поймет. А Нинка за этот футлярчик для меня что хочешь сделает. И я надеялась.

Дальше план должен был продвигаться так: ее, Нинку в смысле, с Аликом назначат дежурить ночью у костра, а как только время пойдет, Нинка схватится за живот и убежит в кусты, типа живот схватило, видно, что-то съела не то. А потом вернется, разоется, что у нее вроде как аппендицит разыгрался и она у костра сидеть не может. И тут как тут я – верная подружка – выскочу из палатки Нинку выручать (иди, мол, полежи, а я, так и быть, за тебя подежурю).

Для верности осуществления своей мечты я решила в поход одеться по красивее. Даже лучше, чем Лукашова Ирка, у которой отец в Румынии работал в посольстве и привез ей оттуда разной одежды – кофточек, юбочек. Переплюнуть Ирку было очень сложно, но и здесь должна была прийти на помощь мама, вернее, ее новая кофточка. В то время в Москве появились китайские товары, доставая которые женщины стояли ночами в очередях у магазинов. Вот таким способом мама моя «достала» китайскую вещь – шерстяную кофту кирпичного цвета с золотыми пуговицами – на застежке, на кармашках, и даже одна внутри пришита, если вдруг какая-нибудь потеряется. Кофточка эта лежала, аккуратно сложенная, и ждала дня своего первого выхода в свет, когда мама и папа пойдут в гости к другу папы, Григорию – дважды Герою Советского Союза. Но это должно было произойти уже после нашего похода, так что премьера кофточки переносилась в связи с моим решением, ничего не

говоря маме, взять ее заветную вещь с собой в лес. И там, перед тем как начать Лермонтова читать, как раз ее надеть. Ну, тут уж Алик, предположительно, должен был сдаться в плен моим недетским чувствам и ответить взаимностью, притом навсегда. Правда, как это могло бы выглядеть, я еще себе не представляла. Но механизм завоевания недоступного Аликова сердца был запущен, и все понеслось по плану.

* * *

Наступила долгожданная походная ночь. Нинка завопила в кустах, я в кирпичной кофточке выскочила из палатки, и мы поменялись местами. Было часа три ночи, самый сон. Я подумала, что можно немножко поспать перед самым признанием. Так сказать, слегка отодвинуть свое счастье. Я задремала у костра, Алик должен был следить за огнем и подбрасывать дрова.

Ничего не успев понять, я вдруг почувствовала страшное жжение на спине и, ничего не осознавая, заорала во все горло: «Горю!» Помню, тут все проснулись, повыбегали из палаток. Учительница орала громче меня. На меня стали лить воду, тушить пожар на моем теле. Что же произошло, я поняла потом. Оказывается, Алик меня, спящую, решил подвинуть поближе к костру; он потом, оправдываясь, врал: чтобы я не замерзла. Я-то знаю, что он **именно хотел**, чтобы я обожглась. Жестокий, ужасный мальчишка. Но я его любила и готова была защищать и от наказания, и от гнева училки. Но...

Кофточка китайская кирпичного цвета уже кофточкой не была – просто застежка с пуговицами и два рукава. Спина вся сгорела. На теле моем, правда, следов пожара не осталось, как это так – не знаю сама. Я боялась возвращаться домой. Врать я никогда не умела, а рассказывать правду было стыдно и маму жалко.

Все обошлось затрещиной по затылку тяжелой рукой отца. Но это была не первая затрещина, ясное дело. И я легко ее пережила, потому что она была вполне заслуженной. А отца я очень-очень любила и знала, что он всегда прав. И маму любила тоже очень-очень. Притом без всякого «Мцыри».

* * *

Девятый класс: химичка дура, ну и так далее. Какие там алгебра с химией! У нас в классе событие – переводом из другой школы к нам явилась Козихина Маргарита, которая побывала под своим именем и фамилией ровно одну минуту, пока ее училка представляла. На второй минуте к ней устойчиво и навсегда прилипло прозвище Коза. Ну, по фамилии, ясно же. Но на вид она козой совсем не была – красивая, высокая, волосы завиваются. Всем сразу стало понятно, что Ирке Лукашовой никакие заморские вещи не помогут победить красоту Козы. И еще стало ясно, что ехидной Нинке портфель уже никогда никто, по крайней мере – Алик, не понесет. Хоть каждый день падай на физкультуре с козла. Со мной началась паника – и так моя безнадежная влюбленность катилась из глаз горькими потоками каждый день. Но все это было сущей мелочью по сравнению с тем, как Алик смотрел на Козу своим первым взглядом, с которого так часто все и начинается. В смысле любовь. Притом не он один – в нее сразу влюбился весь наш класс... конечно, кроме меня. Но я виду не подавала. На самом деле в этот миг во мне проснулся гений злодейства. Я еще не знала, как он будет действовать. Но вкус коварства уже ощущала.

Коза, ничего не подозревая, уселась со мной за парту и предложила после уроков всем классом пойти погулять в Сокольники – «там накрывает столики опавшая листва...». И все обрадовались и стали ждать, когда закончатся уроки.

В Сокольниках осенняя красота захватила всех. Я даже не думала, что наши мальчишки могут быть такими сентиментальными, идут молча, листья собирают.

Кольцова Оля, самая тихая девочка в нашем классе, предложила поиграть в «Садовников», чем вызвала у меня подозрение – не влюблена ли она тоже в Алика? Я подозревала всех девчонок, в каждой видела соперницу. «Садовники» – это в ту пору была такая игра: «Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме...» Тут надо называть какой-то цветок, каждый сам себе название придумывал. Ну, цветок называешь, понятно, тот, под названием которого скрывается объект твоей любви или симпатии – в общем, интереса. Баклашка – Астра, Ирка – Ирис, Кольцова Оля – Ландыш. Я, конечно, хотела быть фиалкой, но фиалку уже себе присвоила Коза. Алик был Тюльпаном. Стали мы играть, мне еще больнее стало. Вы догадываетесь, кого тюльпан все время выбирал. А меня, Розу, между прочим, только один раз и выбрали. Притом Нинка. Притом по ошибке. Сама Нинка была Ромашкой, видите ли, любит – не любит, плюнет, поцелует. Я уже не помню, как заканчивалась эта дурацкая цветочная переключка. Помню только, что было мне горько и обидно, и фиалковый аромат до сих пор вызывает у меня аллергию и слезы.

* * *

Гений злодейства во мне проснуться-то проснулся, но что-то никаких действий не совершал. Как я старалась настроить свои мозги на изобретение страшной мести, чтобы Алик Козу эту возненавидел, ничего мне в голову не приходило. Вообще, я заметила, что роль злодейки не для меня. Сколько раз в жизни бывали ситуации, когда нужно было бы разозлиться, ответить каким-то действием, даже для мести причины бывали. А у меня все кончалось только построением предполагаемых поступков, потом всякая злость и досада благополучно растворялись в повседневных делах, а дальше и вообще забывались.

Я вот думаю... Когда я была маленькой, помню, бабушка меня купала в корыте, а потом из кувшина поливала чистой водичкой и струйки ее со спины моей спивала и приговаривала: «С гуся вода, с Ларочки худоба». Ну, как вы видите, худоба мне не грозит. Но, наверно, вместе с худобой этой бабуля моя и злость с меня спила, и жадность, и еще много чего дурного. Спасибо, бабушка.

Теперь возвращусь все-таки к истории с Козой. Жизнь расправилась с моей соперницей сама, без моего участия. Хотите знать как? А вот так.

После прогулки в Сокольниках мы шли домой, и вдруг Алик громко так, как будто нарочно, чтоб я слышала, говорит Козе: «Маргарита, пойдем ко мне домой, я очень хочу показать тебе моего нового друга». Все тут же, конечно, стали расспрашивать Алика – что это вдруг за друг новый? Алик развоображался, что у него дома теперь живет золотой хомячок, мама его обожает, зовут Люси. Коза очень обрадовалась, на Люси эту поглазеть захотела. Наверно, ей особенно понравилось, что Алик только ее приглашает.

Я несла в руках букет листьев осенних, красивый такой. Как услышала, что Коза к Алику идет, выкинула букет в урну. Мне рука была нужна – платок носовой достать... сами догадываетесь, для чего.

Что произошло потом, мы узнали только на следующий день. Алик и Коза пришли в класс, друг на друга не смотрят. Наоборот, Алик мою ручку поднял, которая упала и под стол закатилась: «Ларис (не Рубала!), у тебя вот ручка упала». Что это с ним?

А вот что, оказывается, Коза потом Ирке (а Ирка всему классу) рассказала.

Хомячок Люси, действительно золотистый, из клетки вылез и забегал по комнате. Коза его в руки брала, брюшко чесать. А потом отпустила на пол, а сама в туалет пошла, а когда возвращалась, не заметила, что Люси у двери сидит – Козу ждет, брюшко, видно, понравилось, когда чешут. И Люси ждала продолжения. И тут Коза наступила на бедную зверюшку

ногой! И сама завопила от страха так, как будто наоборот – Люси на нее наступила. На крик прибежали генеральша, Аликина мать, и домработница. Спасти Люси не удалось. Проводить Козу Алик не пошел. Моя любовь была спасена. Все-таки Алик молодец, настоящий мужчина – мне ручку из-под стола достал.

* * *

Сколько лет, вернее десятилетий, прошло с тех пор, но, видно, детская любовь оставляет вечный след, и потом одними из первых моих песен были «Пойдем гулять в Сокольники» и «Мы в садовников играли, мы друг друга выбирали, и казалось, в самом деле, что решается судьба. Что решается судьба...».

* * *

Какой же это класс? Вроде седьмой. По школьному двору плывет запах сирени – май. В моде – нижние юбки. Снизу, разумеется, а сверху – разноцветные; как тогда говорили, «веселый ситчик». Бабушка моя – мастерица и делает классно все, за что ни возьмется. Нижнюю юбку сшила из белого материала, кружавчики по подолу. И накрахмалила ее туго-туго, так, что это уже не Рубала получалась, а Одетта какая-то, хоть в Большой театр иди в ней, верхнюю не надевая, и в «Лебедином озере» танцуй. А Алик, к примеру, фуэте с пируэтами творил бы, да в адажио ко мне бы пританцевал, да за талию взял – для совместного кружения. Талия в то время у меня как раз была.

Ну, короче говоря, мы с девчонками решили пойти в парк на лодках покататься. Правда, грести никто из нас не умел, поэтому мы бросили клич мальчишкам, и трое сразу согласились с нами идти. Один из них, как уже, наверно, понятно, – Алик. Ну, я, конечно, красавицей явилась – накрахмаленная юбочка снизу, голубая с маками – сверху. На талии лаковый ремешок, застегнутый на самую первую дырочку (осиная талия, как говорится). Волосы выются у меня по плечам, не влюбится только дурак. Подошли мы к лодочной станции, и Алик вдруг говорит: «Рубала, поплывешь со мной?» Как я тогда в обморок не упала от счастья, сама не знаю. Впрыгнула в лодку, юбочку разложила, к воде наклонилась, нежность в глазах. Кто с кем там на других лодках – не смотрю даже. Глаза на Алика поднять боюсь, сижу, загадку разгадываю – что ж с ним такое случилось?

В воде пруда отражались ивы, из репродукторов лилась музыка. Сон, сон, да и только. В середине озера возвышался фонтан – брызги на солнце переливаются. Плыдем, молчим. Шелест весел по воде заглушает страшный стук моего сердца. Алик работает веслами, лодочка наша набирает скорость, берет курс на фонтан. Скорость развивалась так стремительно, что я не успела сообразить, что сейчас произойдет. А произошло вот что – Алик развернул лодку так, что все брызги от фонтана полетели на меня, и уже через минуту я промокла насквозь, и моя накрахмаленная нижняя юбка превратилась в соплю на резиночке. Крахмал потек, прилипая к моим ногам. Алик хохотал: «Ну что, влюбленная дура, довольна?!» – и к берегу. Спрыгнул с лодки и бросил меня, плачущую, с повисшей мокрой юбкой. Я еле-еле с лодки слезла. Хорошо, девчонки наши эту сцену со своих лодок видели, примчались меня утешать. А в тетрадошке-то школьной, Надькой переписанной, это событие совсем по-другому описано: «Если бы он знал, как я любить могу. Нежность в своем сердце вечно берегу». И потом, немного позже: «Над водой склонялись ивы, лодки плавали в пруду. Я была такой счастливой в том растаявшем году».

Как он сказал? А, да – «дура влюбленная». Не раз потом в своей жизни я слышала примерно такие же слова. Наверно, так оно и было.

* * *

Над сценой в актовом зале плакат – «Рубальская Лариса – известная актриса». Ну и кто ж, вы думаете, этот плакат придумал? Да что тут думать – я и придумала. Как теперь говорят, самопиар. Конечно, никакой актрисой я не была и стать не собиралась. Просто к моему имени рифмы подбирались только две – актриса и крыса. Ну не напишу же я сама «Рубальская Лариса – известная крыса». А плакат был нужен, так как я школьный вечер весь подготовила – и концерт, и аттракцион интересный. Сначала про концерт. Четверо наших мальчишек разучили ковбойскую песню и шляпы притащили. Песня классная такая: «Хорошо в степи скакать, вольным воздухом дышать...» А дальше – про красотку Мери, которую один ковбой уговорит умчаться с ним в пампасы, или в прерии – не помню. На роль красотки Мери я предложила себя. Один из ребят согласился. Остальные – ни за что. Взяли ехидную Нинку – у нее как раз было новое платье зеленое-презеленое. Но она сказала, что это цвет незрелой фисташки. Что такое фисташка, я лично не знала. Но слово и правда красивое. Ну и решили, значит, Нинку-Мери красть и угонять в пампасы.

Я в это время готовила остальные шесть номеров концерта. Конечно, все с моим участием. Во-первых, стихи, не из школьной программы, а взрослые – Эдуарда Асадова, о любви. Затем – отрывок из прозы, из «Белого пуделя» Куприна, как там дедушка, мальчик и пудель на барскую усадьбу забрели. А барчонок по имени Трилли разорался, что хочет эту собаку, пуделя белого. Очень грустная сцена. Я рассчитывала, что весь зал будет рыдать, и, репетируя, горланила на всю школу: «Хочу соба-а-аку!!!» Еще один танцевальный номер – Русский перепляс: я, Баклашка, ну и, так и быть, Коза. Потом сценки разные, я – в главных ролях. Короче, концерт должен был получиться очень хороший.

Аттракцион я придумать старалась такой, чтоб касался моей любви к Алику. Купила открытки с цветами, разрежала их наискосок пополам, перемешала, как карты, и решила раздавать – кому какая достанется. Ну и, конечно, подстроить так, чтоб Алику досталась половина моего цветка. Встретившиеся и совпавшие половинки должны будут вместе танцевать танго.

* * *

Вечер покатился по моему сценарию. Я имела очень большой успех, особенно после того, как прочитала стихи о любви. Девчонки все аплодировали как бешеные. Потому что любовь была главной темой нашей жизни – возраст любви.

Подтасовка с открыткой получилась легко. Алик как-то подозрительно ласково на меня смотрел, медленный танец понес нас на крыльях музыки. Меня, во всяком случае. Полет мой был недолгим – грянул взрыв. Потом повалил дым. Все танцевать перестали, смотрели на меня. Я стояла посреди зала и ничего не понимала. В сторонке Алик ржал с «ковбоями». Оказывается, на уроке химии ребята делали какие-то опыты и узнали, что, если смешать красный фосфор с бертолетовой солью, получится взрывчатка. Совсем неопасная, но испуг обеспечен. Вот они такую «бомбу» подложили на пол в актовый зал, и Алик меня туда «при-танцевал». Не случайно, конечно. Это он ковбоев и подговорил.

Получилось продолжение концерта – все смеялись, а я убежала плакать в туалет. И в зал уже не вернулась.

Мне бы, дурехе, извлечь хоть какой-нибудь урок из этого гадского поступка Алика. Но я любила. А любить – значит прощать.

* * *

Последняя зима школьной жизни. «Каток блестит, огнями залит. Коньками чиркаю по льду. А рядом одноклассник Алик снежинки ловит на лету», – это уже не школьное, это я попозже написала, лет через двадцать пять. Алик-Алик! Ну как же ты мог? Ты же взрослый, не мальчишка, а юноша уже. Через полгода студентом будешь. И что ж ты меня так мучаешь? Подлетел ко мне на коньках, одной рукой за талию обнял – до счастья миг, еще немножко... Но не тут-то было – Алик отпустил руку и подставил мне подножку, да так, что я не то что просто упала, а совершила какой-то кульбит и грохнулась головой об лед. Алик был счастлив: «Фигуристка ж ты, Рубала!» – и заржал. Он тогда еще не мог знать, что через много лет мы случайно встретимся в Крыму и история на катке получит свое продолжение.

* * *

Я, уже совсем не юная Рубала, но и далеко не Лариса Алексеевна, а начинающая переводчица японского языка, и этим горжусь (все вокруг удивляются: «Как же это вы, Ларисочка, такой сложный язык выучили?»), еду на отдых в Крым, с подругами. Нам всем вокруг тридцати, по несколько прожитых и пережитых несчастных loves. Короче, наговориться не можем. Вечером – в ресторанчик. Особенно тратиться не будем, так, бутылочку винца, сырную нарезку – на это нам финансов хватит вполне. И потанцуем, если найдутся желающие нас пригласить.

Одной бутылки оказалось маловато, и мы, обсудив ситуацию, заказали еще. Тихо играла музыка. Градусы подняли настроение. Мы разглядывали сидящих за столиками посетителей и увидели, что к нашему столику идет интересный такой мужчина, высокий, одетый модно. Он подошел и оказался старым приятелем одной из моих подруг, которого она не видела сто лет. Они друг другу очень обрадовались, и подруга представила мужчину нам: «Знакомьтесь, девочки, – Женя». Женя оказался очень веселым и общительным, перецеловал нас всех в щечку и говорит: «Девчонки, потеснитесь? Я тут с другом, мы вам не мешаем? – Он повернулся и помахал рукой стоящему у входа мужчине. – Альберт, иди к нам. Я тебя с девчонками красивыми познакомлю».

Альберт? Красивое имя. А мое сердце как раз (в очередной раз) свободно, а тут мужчина с таким красивым именем. Почему нет? А вдруг? Курортный романчик?

* * *

Господи, да вино-то всего двенадцать градусов. Что со мной? Стены качнулись, потолок поплыл. К нам шел Альберт – Алик Кружилин! Любовь моя первая, безответная! Что ж ты никогда не говорил, что у тебя имя такое необыкновенное – Альберт! Как же ты изменился – уже чуть-чуть седоватый, красивый такой!

Альберт был нашей встрече рад. Он наклонился ко мне, поцеловал в щеку. Рубалой не назвал – видно, постеснялся: «Лариса! Как я рад! Сколько лет мы не виделись?»

Мы сидели рядом, не замечая ни остальных девчонок, ни Женьку. Просто смотрели друг на друга. И потихоньку хмелели от вина и воспоминаний: «А помнишь?...» И Мцыри, и каток, и бомба на школьном вечере... Теперь это были просто милые, безобидные воспоминания. Алик вдруг, ни с того ни с сего, шепнул мне, что он сейчас уже второй раз совершенно холост и к тому же ни в кого не влюблен.

* * *

На эстраду вышла певица, зазвучала мелодия, она запела: «Сиреневый туман над нами проплывает...»

Алик протянул мне руку: «Потанцуем?» Он был так близко, мои ресницы лежали на его щеке. Что вдруг со мной случилось, я объяснить не могу. Помню только, что в этот момент никакая не Лариса, начинающая переводчица редкого языка, прижалась к Альберту с ранней сединой, ресницы на щеке. Это под мелодию «Сиреневого тумана» плыла в объятиях Алика Рубала, самая настоящая. И она, Рубала эта, слегка отодвинула горячие Альбертовы руки и подставила ему подножку, точно так же, как он тогда, в последнюю школьную их зиму на катке.

Альберт-Алик поднялся с полу не сразу. Несколько секунд он соображал, что произошло. Потом медленно встал, посмотрел на меня прошлыми глазами, покрутил у виска и со словами «Фигуристка ж ты, Рубала» вышел из зала. И из моей жизни. Окончательно и навсегда.

* * *

Я помню все, что в моей жизни было, подробно и детально, – людей по именам, даже животных по кличкам. Не забыла, кто с кем сидел в школе и за какой партой, хоть в теперешней моей жизни давно потеряла всех из виду. Но главное помню:

Были юными и счастливыми
В незапамятном том году,
Были девушки все красивыми,
И черемуха вся в цвету...

* * *

Кстати, у меня сейчас есть новое платье с ремешком. Только, чтобы его надеть, пришлось дырочку на ремешке в мастерской еще одну пробить. На самом краешке.

Олег Рой

Олег Рой – неординарный человек, наделенный множеством талантов в самых разных областях. Он не только популярный писатель, пишущий для всей семьи – от детских сказок до серьезных психологических романов, – но еще продюсер, основатель популярной мультстудии, общественный деятель. Он сочиняет стихи и музыку, сам работает с художниками и мультипликаторами и ежедневно успевает столько, сколько другой не успел бы за целый год.

Она стоит того, чтобы жить

Наверно, надо очень сильно любить, чтобы проснуться от того, что кто-то бережно (не дай бог, не разбудить) высвобождает тебя из своих объятий. И мне не надо открывать глаза, чтобы видеть, как она осторожно поднимается с постели, тихонько прикрывает меня одеялом, как встает возле нашей кровати и смотрит на меня. Я прекрасно представляю все это, не открывая глаз.

Она уходила и раньше, уходила, когда я спал, или когда она думала, что я сплю. Но в этот раз все по-другому: я знаю, что она хочет уйти навсегда. Об этом она ни словом не обмолвилась, даже полунамека с ее стороны не было, и все-таки я знаю, что она собирается распрощаться со мной. Для того, кто любит, не нужны намеки: когда наступает перемена, сердце подсказывает само.

Она думает, что для меня так будет лучше, но даже сама мысль, что она уйдет, вызывает у меня панику. Когда она уходит, даже ненадолго, я чувствую страх. Нет, даже не так – когда она уходит, рушится тонкая невидимая преграда между мной и страхом, между мной и той темнотой, которая заполняет мир. А сейчас она собирается уйти насовсем. Но я не останавливаю ее, я знаю, что ее просто невозможно остановить. Она неподвластна мне, как погода, как смена сезонов. И если она уйдет, я ничего не смогу сделать.

Наверное, она приняла это решение, когда я увидел книгу. Тогда ее не было рядом, но наивно даже думать, что она не узнает об этом. Здесь все в ее власти; все, что меня окружает, принадлежит ей. И даже моя душа. Если она уйдет, я не могу быть уверен, что она не заберет с собой мою душу.

* * *

Иногда кажется, что она в моей жизни была всегда. Но это не так. Когда-то ее не было, хоть теперь-то время вспоминается смутно, как невнятный силуэт в густом утреннем тумане.

О таких, как я, говорят «состоявшийся человек». В этом выражении есть что-то неправильное, ведь «состоявшийся» – значит «произошедший ранее». Но по отношению ко мне это звучит абсолютно точно. В той, далекой, прошлой жизни я состоялся. Во всех смыслах этого слова.

Я состоялся как писатель. Не Лев Толстой, конечно, но и не из тех, чей уровень – Ридерс Дайджест. Мои книги читают самые разные люди – от тинейджеров до пенсионеров, их можно найти и в республиканской библиотеке, и на книжном лотке ближайшей стоянки, и в подарочном издании с бархатным переплетом и золотым тиснением, и в формате покетбука с мягкой обложкой. Некоторые из книг экранизированы, другим это предстоит.

Как автора меня постоянно приглашают на самые разные мероприятия, охотно берут интервью, и в каждый месяц года вы обязательно найдете статью обо мне в одном из известных журналов. А список литературных премий и награды самого разного калибра не вменяются на одну страницу, даже если набирать самым мелким шрифтом.

Я состоялся как мужчина. Был женат и продолжил свой род – растет замечательный сын. Он окончил медицинский вуз, проходит ординатуру и обещает стать светилом нейрохирургии. С женой я, увы, расстался – тихо и без скандалов. Собственно, это одна из причин, почему слово «состоялся» раздражает меня до чесотки. Прожить с человеком пятнадцать лет лишь для того, чтобы в один прекрасный день совместными усилиями прийти к выводу, что ваш брак был ошибкой молодости, – согласитесь, не самый лучший вариант.

С момента расставания я избегал сколько-нибудь продолжительных отношений... по крайней мере, мне так казалось. Лишь сейчас, лишь в объятиях своей любимой, я понял нечто важное. Понял, что называется, на контрасте. Но обо всем по порядку.

На первый взгляд и с современной точки зрения я был примерным семьянином. У меня и в мыслях не было заводить какие-то интрижки на стороне. Все заработанные деньги я вкладывал в семью. Сначала мы жили бедно – сами понимаете, когда писатель работает на свое имя, о больших гонорарах он может только мечтать. Нам с женой помогали родители, мои и ее. Удивительно, но тогда мы действительно были близки. А потом...

Потом пришел успех. Первый крупный тираж, первая книга с пометкой «бестселлер», первые упоминания в прессе. Первые заказы, авансы, после получения которых хотелось бежать домой вприпрыжку и петь. Внезапно я стал востребованным. Книжки выкупались издательствами, что называется, на корню. Потом первая экранизация, первые официальные приглашения на телевидение, интервью, фотосессии, поклонники обоих полов, с которыми приходилось общаться, не снимая с лица улыбку...

Где-то на этом этапе я стал терять контакт со своими близкими. Терять контроль. Честное слово, даже не могу сказать, как и когда именно это произошло. Человек вообще не замечает самых опасных вещей: смертельных болезней или крушения отношений. Сначала я потерял друзей. Нет, они никуда не делись, мы «дружим» и по сей день. Созваниваемся раз в месяц, пару раз в год выбираемся куда-то: попить пива и поговорить о том, что «надо бы чаще встречаться, да времени нет...».

Нет времени! Теперь мне смешно об этом вспоминать. Мы так часто говорим эту фразу, но едва ли знаем, что это такое – нет времени.

Оглядываясь назад, я вижу, как безликое и безымянное нечто поглощало мою жизнь. Друзья превратились в тени самих себя; теньями были многочисленные знакомые по «кругу общения» – среди всех тех, с кем я пил коктейли, кому давал интервью и посылал тексты для редактирования или подготовки в печать нет ни одного лица, которое я сейчас мог бы вспомнить. Мир становился безликим, зато образы в моих книгах – яркими и живыми. Словно вампиры, герои моих книг высасывали жизнь из реальных людей вокруг меня. Но в этом я отнюдь не был одинок – такие же стаи вампиров окружали всех, кого я знал. У каждого они были свои: работа, успех, многочисленные любовные связи, наркотики, алкоголь, общественная активность – что угодно могло стать суррогатом, заменявшим простые человеческие чувства.

В один прекрасный день, точнее ночь (часы показывали половину третьего), я поставил точку в очередной главе нового бестселлера, еще недописанного, но уже ожидаемого множеством читателей и критиков и даже подписанного для экранизации. Зевая от усталости, направился в спальню. Когда я работал, а работал я почти всегда, то редко ночевал в спальне, чаще – на диване в кабинете или даже просто в кресле за рабочим столом. Но в тот день я закончил работу раньше обычного и решил поспать в своей постели.

Было полнолуние, яркий, но мертвенно-бледный свет лился через большое, во всю стену, панорамное окно. Там, за окном, сверкали неугасимые огни мегаполиса – столь же мертвые, сколь и яркие. Бледный свет луны освещал наше супружеское ложе. Жена лежала поверх одеяла в белоснежной пижаме и темной маске для сна, усыпанной золотыми многоконечными звездочками. Ее белоснежная пижама резко контрастировала с ровным, по всему телу, загаром. Я смотрел на нее и думал о том, что за человек лежит в моей кровати. Моя жена... а что это значит?

Когда-то я считал, что брак – это союз двух людей, чужих по крови, но близких по духу. Но в ту ночь, разглядывая в призрачном лунном свете загорелую кожу этой такой знакомой и в то же время абсолютно чужой мне женщины, с первыми, тщательно скрываемыми признаками подступающей старости, я думал о том, что же нас связывает. И ничего, кроме сына,

не приходило в голову. Самое страшное – я не мог найти ничего подобного и в прошлом. Было очень недолгое опьянение страстью, было – продолжавшееся чуть дольше – приятное ощущение обладания, было удовольствие от роли мужа, главы семьи. Было, было, было... а потом все это сменилось привычкой. Просто привычкой, вроде привычки проверять перед уходом, выключены ли конфорки плиты. Эта привычка не оставляла меня года три после того, как мы приобрели новую квартиру и оборудовали ее комплексом «умный дом» и электрической плитой, абсолютно пожаробезопасной.

Я, как и многие мои коллеги по цеху, не умел долго держать в себе переживания. Через несколько дней мы с женой откровенно поговорили. Замечу вскользь, что мы практически никогда не ссорились, и тот день не стал исключением. Наши мнения удивительным образом совпали: она тоже чувствовала, что мы живем, словно отделенные друг от друга витриной из закаленного стекла. Но самое страшное было даже не это, а то, что ни меня, ни ее не интересовало, что происходит по ту сторону стекла. Ей было все равно, есть ли у меня любовницы, я даже не думал о том, есть ли у нее романы на стороне. Самое смешное, что при этом ни у одного из нас до того момента не было интрижек и мы хранили верность друг другу до самого развода, который произошел сразу после окончания сыном школы. Но не потому, что мы щадили чувства друг друга, а потому, что ни мне, ни ей это не было особенно нужно.

А потом был развод. Кто-то из писателей сказал, что полностью разобраться в том, как ты относишься к человеку, можно только после расставания с ним. Если это правда, значит, я вообще никак не относился к своей жене. Очень скоро после того, как мы разъехались, она тоже стала тенью, не исчезнув вовсе из моей жизни, но и не присутствуя в ней как живой человек, из плоти и крови. Такими же тенями были и все мои последующие «увлечения». Вот еще смешное слово! «Увлечение» – это то, что тебя влечет куда-то, то, что привлекает. Но мои пассии привлекали меня не больше, чем очередной прием пищи. Они были тенями. Настоящая жизнь существовала только на страницах моих романов. Она электрическими импульсами перетекала из моих пальцев и ровными рядами букв появлялась на экране ноутбука. Моя реальность была там, а в реальном мире я чувствовал себя как в онлайн-игре, которыми какое-то время увлекался мой сын.

Сын... единственная ниточка, связывавшая меня с миром вокруг, единственный живой человек в краю человекообразных призраков. Впрочем, даже ему я не уделял столько внимания, сколько он заслуживал, хотя уделял больше, чем кому бы то ни было. Но, увы, между «больше, чем другим» и «достаточно» слишком значительная разница. Когда сын нуждался в общении со мной, я был занят своими книгами; когда он пытался привлечь мое внимание, я не понимал этого и объяснял его поведение особенностями подросткового возраста.

Итог был закономерен. Я стал для него тенью, такой же тенью, какой для меня были все остальные. Я узнал об этом в тот день, когда увидел его страницу в одной из соцсетей.

Я вдруг увидел молодого человека, так похожего на меня; я увидел его жизнь. Его невесту, его друзей, его новый дом, работу и его досуг. Все то, о чем я не знал. Все то, о чем я **не хотел знать**.

Мне стало дурно. В груди появилось ощущение, словно оттуда, из области между ребер, пытается через горло выбраться наружу кто-то чужой и страшный. Удушье сопровождалось ощущением паники. Я пошел в ванную, стал перед зеркалом и посмотрел на себя. Для своего возраста я прекрасно выглядел; еще бы, ведь я держал себя в форме с помощью двух патентованных средств сохранения молодости – спортзала и косметологического салона. Но ни один салон не может убрать осень, поселившуюся где-то в глубине моих глаз. Осень, вот-вот грозящую стать одинокой и долгой зимой. Наверно, эта зима и рвалась сейчас изнутри меня на волю, сжимая грудную клетку.

Мне стало так тоскливо, что захотелось быть. Хотелось делать что-то безумное, совершенно, абсолютно сумасшедшее. Вероятно, моего сумасшествия хватило лишь на то, чтобы

выйти из дому и пойти куда глаза глядят. И где-то на этом пути я впервые встретил ее. И началась самая странная и самая лучшая часть моей жизни.

* * *

Был пасмурный осенний вечер – время, будто специально созданное природой для подведения неутешительных итогов **напрасно прожитой жизни**. В такие моменты ты уверен, что надеяться уже не на что и ничего хорошего впереди не ждет... Но именно в такие моменты судьба порой дарит тебе новый шанс.

Я смутно помню нашу встречу. Кажется, это случилось в каком-то парке, где я, устав от бесцельного хождения, присел на скамейку без спинки. Опускались сумерки, на аллеях зажглись старомодные фонари. Слегка моросил дождик, больше похожий на туман. Я помню, что она присела рядом со мной, и на миг мне показалось, что за ее спиной мелькнуло светлое крыло, но это был всего лишь свет фонаря в измороси.

Что она говорила, что я ей отвечал – не знаю. Через какое-то время мы встали и пошли в глубь парка. Этот парк больше напоминал лес – густые заросли деревьев, частично сбросивших по осени листву, темные ели, подступавшие прямо к дорожке, по которой мы шли. На какой-то миг мне вдруг стало страшно, и я спросил ее:

– Куда мы идем?

– Ко мне, – ответила она; ее голос был тихим, как шуршание опавшей листвы под ногами. Она всегда говорила тихо, словно перенесла операцию на голосовых связках. – Ты будешь жить у меня.

Она не спрашивала моего согласия, она говорила так, словно я был брошенным одиноким щенком, но именно так я себя и чувствовал. Я взял ее за руку. У нее были тонкие, гладкие и холодные пальцы, словно у фарфоровой статуэтки, но от того, что я чувствовал их в своей руке, мне внезапно стало как-то спокойнее.

Дождь почти прекратился, зато начал опускаться туман. Это было странно, поскольку туман обычно ложится под утро, а по моим субъективным часам едва началась ночь. Мы обогнули высокий холм, на который, редая, взбегали деревья парка, и сразу за ним показался забор из кованой чугунной решетки. «Такие заборы ставят на кладбищах», – почему-то подумал я. Фонари стали попадаться реже и светили слабее. За забором высились мрачные темные ели. Я вновь почувствовал прилив страха.

– Это кладбище? – спросил я.

– Ну что ты, – ответила она, слегка улыбнувшись. Я видел лишь часть ее лица, другая была скрыта капюшоном светлого плаща. – Это наш дом. Мы почти пришли..

И правда, скоро мы оказались у кованой решетки, за которой виднелся темный контур двухэтажного здания. Она открыла калитку, пропуская меня вперед, я подождал, пока она закроет за нами; казалось, что петли должны заскрипеть, но они, должно быть, были хорошо смазаны, так что калитка закрылась без скрипа, лишь с глухим стуком. Пахло влажной глинистой землей и мокрой хвоей.

Мы поднялись на крыльцо, к деревянной двери из темных досок. Я подумал, что моя новая знакомая, должно быть, богата: стены особняка были облицованы каким-то дорогим поделочным камнем, может, даже мрамором. Но тут она, опять-таки почти бесшумно, открыла дверь, и я вошел в дом, который с тех пор стал моим.

* * *

Наверно, это странно звучит, но я, автор многих успешных книг, совершенно не в состоянии описать, как выглядит моя возлюбленная. Я узнаю ее из тысяч – но при этом не

могу сказать, какого она роста, как сложена, какого цвета у нее глаза, какая прическа. Наверное, у нее длинные волосы, потому что, даже когда ее нет рядом, моя кожа помнит их нежное мягкое прикосновение. А быть может, мне это просто кажется.

Я даже не знаю ее имени. Может, она его и называла, но почему-то я об этом не помню, и даже никаких ассоциаций у меня не возникает. Она – это она. Единственная.

Она тоже не зовет меня по имени. В нашем общении вообще много такого, о чем мы никогда не говорим. Например, о деньгах. О планах на завтра и вообще о будущем. О любви. О том, как относимся друг к другу.

Она вообще очень немногословна, но это не то что не мешает, а даже напротив. Лишь рядом с ней я понял, насколько раздражал меня вечный «белый шум» разговоров, постоянная трескотня человеческой речи. Здесь все по-другому. Тишина украшает наш дом, как уникальное и очень ценное произведение искусства.

Я говорю «наш дом», не задумываясь над юридическим аспектом этого вопроса. У меня нет никаких документов, подтверждающих мои права на этот дом, но с того момента, как я впервые переступил его порог, я чувствую себя дома. Это странное забытое чувство, которое я потерял лет в шесть, когда мы с родителями перебрались в другой район, ближе к работе отца и «хорошей» школе, где я впоследствии учился. С тех пор я жил в разных местах, но даже те квартиры, которые я покупал за свои деньги, не давали мне такого чувства уюта, покоя и чего-то необыкновенно родного, как этот дом.

Его трудно описать. Он, в общем-то, невелик, но даже при этом часть его нами не используется, и мебель в этих комнатах стоит в серых пыльных чехлах. Я несколько раз заходил в эти комнаты, но дольше пяти минут в них не выдерживал. Не от страха – просто среди этих пыльных серых чехлов мне становилось так грустно, что на глаза, неведь почему, сами собой наворачивались слезы.

Обжитая нами часть дома являет разительный контраст с заброшенной. Здесь непередаваемо уютно, здесь все дышит жизнью... *ее* жизнью. Обстановка скорее винтажная, но я всегда не любил стиль «ИКЕА», и некоторые из окружающих вещей просто приводят меня в восторг. Например, камин со старинными часами на полке, стрелки которых замерли на без пятнадцати девять. Однажды я пытался привести их в движение, но даже не нашел, где они заводятся. Впрочем, то, что они не идут, меня ничуть не раздражает – здесь я совершенно не чувствую необходимости следить за временем. Мне вообще оказались не нужны многие, казалось бы, привычные вещи, например мобильный телефон. Он лежит у меня в кармане, но на него, к моему удивлению, никто не звонит, словно я внезапно умер. Да и я не чувствую ни малейшего желания звонить кому бы то ни было. Зачем? Мне сейчас никто не нужен, кроме нее.

В нашем доме есть телевизор, но мы никогда не смотрим ни новостей, ни передач и включаем его только ради старых хороших фильмов или записей концертов – у моей подруги прекрасная фильмотека. Зато мы много гуляем, и прогулки эти меня постоянно удивляют. Как будто всякий раз мы выходим в какой-то другой город, другой мир, даже другой парк, хотя есть то, что не меняется уже много дней. Например, погода. Она всегда пасмурная, всегда с мелким дождиком и частыми туманами. Я не видел солнца с тех пор, как встретился со своей подругой, лишь иногда наблюдаю где-то вдалеке его лучи, пробивающиеся через прорехи низко нависших темных туч. И еще осень. Осень, прохладная, тускло-золотая, все тянется и тянется уже который день, хотя, по моим подсчетам, уже давно должна была наступить зима – осыпаться листья и выпасть снег.

Каждая наша прогулка по-своему прекрасна. Мы бываем в старых кварталах с узкими мощеными улочками, где заходим в маленькие кафе и магазинчики. У моей любимой страсть к антиквариату и к букинистической книге, что вполне логично. Я с удивлением открыл, что такие вещи привлекают и меня. Именно в одном из подобных магазинчиков я прикупил себе

старинную печатную машинку – о такой я мечтал давным-давно, но так и не сподобился посетить блошинный рынок в прошлой жизни.

Поделюсь еще одним наблюдением – я не знаю, кто моя возлюбленная, но все люди, которые встречаются нам, ее знают. Они не здороваются, не разговаривают с ней, но смотрят на нее так, что сразу ясно – она хорошо им знакома. И смотрят они с каким-то подобострастием и испугом, будто уважают ее и боятся. Понятия не имею почему, но они выглядят как должники, к которым ненароком зашел на чашечку чая кредитор. Меня же они почему-то не замечают, словно я пустое место.

Зато мою подругу любят всякие зверушки. Когда мы гуляем в парке, к ней, совершенно не боясь, подлетают пичужки, подбегают мелкие зверьки, и для всей этой живности в карманах ее белого плаща всегда находится что-нибудь вкусное. Я, конечно, понимаю, что вся эта пернато-мохнатая мелочь давно живет бок о бок с людьми и привыкла попрошайничать, но выглядит это волшебно. Не пройдет моя любимая и мимо одинокой кошки или бродячей собаки, так что порой мне кажется, что некоторые из них узнают ее и смотрят вслед со смесью благодарности и обожания.

Мы живем в удивительном месте. Каждый раз, когда мы выходим на нашу ежедневную прогулку, я не знаю, где мы окажемся, но точно знаю одно – это будет прекрасно. Однажды я посетовал, что давно не был на море, и на следующий же день мы поехали к морю. Рано утром, едва рассвело, мы стояли на пустынной платформе, конец которой тонул в ставшем уже привычным тумане. Потом сели в поезд, почему-то в абсолютно пустой вагон, даже проводник ни разу не попался мне на глаза. Несколько часов мчались среди дремучих, густо заросших кустарником лесов и укрытых туманной дымкой полей, – и вот мы уже на берегу. Я не знал, море это или океан, видел лишь бесконечную серо-стальную гладь, сливающуюся вдаль с таким же серо-стальным небом, в котором одиноко реял крупный альбатрос. Или, по крайней мере, я думал, что эта могучая птица была альбатросом.

Я разулся и зашел по щиколотки в удивительно теплую для поздней осени воду. Я чувствовал ступнями прохладную скользкую гальку, но не боялся поскользнуться, не боялся оступиться, не боялся поранить ногу о ракушку, хотя пустынный берег и был мне незнаком.

В тот миг в краю беспредельного покоя я вдруг понял одну очень интересную вещь, которую чувствовал до этого: в ее присутствии я напрочь лишаюсь страха. Нет, я никогда не был трусом; в молодости я даже побывал в зоне военного конфликта, с чего и началось мое становление как писателя – критики высоко оценили мою книгу, названную просто «Военный дневник», оценили ее и читатели.

Однако даже самые бесстрашные люди, к числу которых я вовсе не относился, все равно испытывают какие-то маленькие бытовые страхи. Не те, которые парализуют волю, другие – ощущаемые на грани сознания, вызывающие безотчетную тревогу. И я раньше тоже чего-то боялся. Я не рискнул бы, например, ходить без особой нужды в неблагополучном городском районе. Или спускаться на только что вставший на реке лед. Или перебежать оживленное шоссе не по переходу.

А с ней мы могли гулять допоздна в самых странных местах: пустынных парках, больше похожих на дикий лес, старинных кладбищах, которые можно было бы использовать как съемочную площадку для ужастика, безлюдных кварталах, застроенных серыми административными корпусами и похожими на бараки домами с дешевыми квартирами. И я никогда не чувствовал не только страха, но даже волнения.

Пока я с удивлением размышлял над этим, мимо нас, совсем недалеко от берега, проплыл, сияя огнями, громадный, похожий на плавучий город, круизный лайнер – видимо, где-то рядом был крупный порт. Почему-то появление теплохода огорчило мою любимую, она проводила его таким печальным взглядом, что у меня сжалось сердце. Я попытался как-то развеселить ее, хотя слово «развеселить» не слишком подходило к моей подруге. Она нико-

гда не шутила, не смеялась, лишь иногда позволяя себе улыбаться, но и при этом в ее лице, в ее глазах была грусть. И мне это нравилось. Рядом с ней я познал сладость минора, понял, что только он может подарить истинное счастье. Мне и самому не хотелось смеяться или как-то иначе бурно выражать свои чувства. Наши отношения были далеки от бурления страстей, скорее, это было мягкое, тихое и очень уютное тепло, такое, которое исходит от камина в полупустой и полутемной комнате.

Я заявил ей, что собираюсь искупаться, что хочу поплыть к горизонту. К удивлению, она не стала отговаривать меня, не стала ссылаться на то, что на дворе осень и вода только обманчиво кажется теплой. Вместо этого она просто сбросила свой плащ, оставшись полностью обнаженной (это был для меня сюрприз), и вошла в воду рядом со мной. Остаток дня мы провели, плескаясь в удивительно теплом море, согреваясь на берегу в объятиях друг друга и занимаясь любовью на пустынном галечном пляже. Когда мы добрались до платформы, нас окружали густые сумерки, домой же мы прибыли уже, вероятно, за полночь.

Точнее сказать не могу – пока она рядом, время не существует.

* * *

Меня совершенно не волновало, что я живу в ее доме, не сообщив никому, где я и что делаю, что мой привычный круг разорван, что никто меня не ищет и не тревожит мой покой. Я воспринимал это как должное. Рядом с ней мне ничего не было нужно. И готов был весь долгий темный вечер просто смотреть на пламя огня в камине, лежа на широком низком диване, положив голову на колени подруги, пока она читала или вышивала на пальцах. Она часто вышивала, и каждый раз получались потрясающие картины. И меня давно уже не удивляло, что она никогда не пользовалась никакой схемой, точно образы сами собой рождались в ее воображении и во всех подробностях запечатлевались там навсегда.

Иногда я слушал музыку, в основном – классическую и ранее мне совершенно незнакомую, так как в своей прошлой жизни был от нее максимально далек. И много читал; поскольку у моей подруги оказалась совершенно удивительная библиотека, я видел на корешках много известных имен, но ни одного знакомого названия. И каждая книга становилась открытием.

Мы на удивление мало разговаривали, словно все уже сказали, словно знали мысли друг друга. И порой мне казалось, что так оно и есть. Ведь, например, когда мы шли гулять, никто из нас не говорил «пойдем туда», не выбирал направление – мы просто шли и сворачивали куда-нибудь одновременно.

При всем при том, насколько моя жизнь с подругой была странной, я ничуть не тревожился от этой странности. Словно так и должно быть. Я чувствовал себя кораблем, отшвартовавшимся в порту приписки. Когда-то в одном из интервью я сказал, что мы всю жизнь идем к цели, но часто чуть не до самого конца не знаем, к какой же именно. Теперь у меня было полное ощущение, что я этой цели достиг. Я был счастлив, безмятежен и абсолютно спокоен. Тревога появлялась лишь тогда, когда подруга вынужденно и неохотно покидала меня. У нее иногда возникали какие-то дела, и я понятия не имел, какие именно. Порой она получала письма – в совершенно чистых конвертах, кажется, даже без адреса – или кто-то ей звонил. Со звонившими она говорила властно, часто попрекая их тем, что они без ее помощи не могут сделать элементарное. А потом тяжело вздыхала и начинала собираться, а у меня в душе появлялся росток страха.

Нет, я не ревновал ее и не боялся, что с ней что-то может случиться. Я знал, что она – моя, что никто и ничто не сможет ее у меня отнять, я также был уверен, что ей за пределами нашего дома ничего не угрожает. Я боялся не за нее, а за себя. Меня страшило одиночество. Когда она уходила, вместе с ней словно уходили свет и тепло, уходил сам смысл ее суще-

ствования. Едва дверь закрывалась за ней, я начинал ощущать странную пронзительную тоску. Я бесцельно слонялся по пустым комнатам, разглядывал висевшие на стенах офорты, изображавшие неизвестные мне места, касался пальцами хрупких композиций из засушенных осенних цветов и листьев, которые она любила составлять. От этих букетов исходил ее запах, а может, наоборот – это от нее пахло сухими цветами, опавшими листьями, обманчивой свежестью утра, в которое выпал первый снег. Я подсознательно искал ее ускользнувший образ среди многих странных вещей, живущих в этом доме. Эти вещи удивляли меня. Моя любимая коллекционировала предметы, потерявшие утилитарный смысл. В ее коллекции были весы-безмен и серп, ламповый приемник длинных волн и фотоаппарат, снимавший на фотопластины, фонограф и абак, деревянная прялка с колесом и бронзовая астрология. Все это было ей совершенно не нужно, а некоторые предметы к тому же были поломаны. Но, как ни странно, все это и придавало дому непостижимый уют.

Однажды к этим вещам прибавилась пишущая машинка. В тот же вечер моя любимая вновь оставила меня одного. И я думал только о том, что вот-вот стемнеет, а она вернется еще не скоро...

Ее вечерние отлучки я переживал еще хуже, чем дневные, поскольку в нашем доме отсутствовало электрическое освещение. Были розетки для телевизора и других электроприборов, но не имелось ни одного торшера, ни одной лампы, ни одного ночника, которые можно было бы в них включить.

Когда мы были дома вдвоем, я прекрасно без этого обходился. Мне хватало тусклого света камина, голубого квадрата телеэкрана, если мы смотрели какой-нибудь фильм, а для чтения – пламени нескольких свечей, отражавшихся в зеркалах. И присутствия моей любимой. Когда она была рядом, тьма становилась ласковой, как котенок. Иссиня-черным бархатом она окружала ее, подчеркивая молочную бледность кожи, и часто служила ей единственным одеянием. Тьма была ручным зверем моей подруги, но, когда ее не было, этот зверь переставал быть домашним и становился враждебным, угрожающим, опасным. Тьма подступала со всех сторон, словно бесы, пытающиеся достать окруженного святым кругом экзорциста. И этим экзорцистом был я, а моим святым кругом – слабый свет нескольких свечей и тусклое багровое сияние, исходящее от камина. Оставаясь один в темном доме, я старался не поддаваться страху, отвлечься от него, погрузившись в чтение, но так и не мог полностью успокоиться, пока не возвращалась моя подруга.

Я никогда не предлагал повесить люстру или хотя бы обзавестись настольной лампой и никогда не интересовался, почему в доме нет таких – совершенно необходимых – предметов. Это была одна из тем, на которые я так и не решился заговорить с моей возлюбленной. И подобных тем было довольно много: кто и зачем ей звонит, куда она отлучается в любое время дня и ночи и почему, когда она возвращается, у нее на глазах слезы. Не слезы обиды или унижения, нет – это бы я почувствовал, как чувствую всякую перемену ее настроения. Это слезы жалости, слезы сострадания. Но я так и не отважился спросить, почему она плачет.

В один из подобных вечеров – одиноких, и потому безнадежно темных и тревожных, зная, что любимая вернется еще не скоро и мне предстоит далеко не веселое время в компании недружелюбной тьмы, я вытащил недавно купленную пишущую машинку, зарядил ее лентой и вставил листок бумаги. Я еще помнил, как пользоваться таким антиквариатом, ведь в дни моей молодости, когда я только начинал свою писательскую карьеру, домашние компьютеры еще были совершеннейшей экзотикой. Я склонился над клавиатурой и...

И ничего. Мир, в котором я прожил столько лет, мир моих произведений, населенный придуманными мною героями, замуровал все входы и выходы. Я не в силах был выдать из себя больше двух слов. К моменту возвращения любимой на бумаге красовалось ровно два слова: «Она была». Для меня, способного написать роман за пару месяцев, это была настоящая катастрофа. Я сидел за столиком-секретером в глухом отчаянии, уставившись на эти

простые слова, пока ее руки, всегда холодные, как у фарфоровой статуэтки, не легли мне на плечи, слегка массируя. С этим касанием весь мой страх, все разочарование и даже отчаяние словно смел холодный порыв осеннего ветра. Я обернулся к ней. Она уже была обнажена, и отражения свечей за ее спиной окружали ее белоснежные плечи светящимся ореолом. Через мгновение этот ореол погас, когда я притянул к себе фарфоровую белоснежность этих плеч и коснулся губами ключицы...

* * *

А теперь она уходит, и я не в состоянии ничего сделать, чтобы остановить ее. Из груди рвется крик протеста, но этот крик не прозвучит никогда. Я даже не могу открыть глаза, чтобы вновь ее увидеть, хотя мне вовсе не нужно открывать глаза, чтобы видеть ее.

Наверно, это какое-то волшебство. Иногда она кажется мне печальным ангелом, какими любят украшать надгробия, а иногда – ведьмой, запечатавшей мою душу во флакончик, спрятанный у нее на груди. Но ведьма она или ангел – я не хочу, чтобы она уходила. Свет она или тьма – без нее мое существование станет пустым и бессмысленным, даже более пустым и бессмысленным, чем до встречи с нею.

Но она уйдет, и я сам тому виной. Мое любопытство. Мое внутреннее неприятие покоя, даже если покой – это счастье. И то, что я увидел эту книгу...

Я уже упоминал, что у моей подруги прекрасная и очень оригинальная библиотека. Для меня, писателя, а значит человека, любящего чтение, библиотека – это настоящее счастье. Я с упоением исследовал шкафы и стеллажи и обнаруживал на них все новые и новые неизвестные мне книги. Имен одних авторов я никогда даже не слышал, другие были мне хорошо знакомы, но почему-то именно эти их произведения мне никогда не попадались, я даже и не знал, что они существуют. Книги эти были очень разными – веселыми и печальными, увлекательными и философскими, узнаваемо-жизненными и фантастическими настолько, что, читая, я не уставал поражаться воображению автора – это надо же такое придумать! Но среди них не было ни одной слабой, ни одной неинтересной книги, ни одной, которая не увлекла бы и не заставила задуматься.

Вчера вечером я закончил роман Диккенса «Тайна Эдвина Друда». В прошлой своей жизни я так и не удосужился его прочесть, даже ни разу не открывал, и почему-то считал это произведение неоконченным. Но, как выяснилось из книги, которую я вернул на полку, концовка у него имела, и, надо сказать, она оказалась очень интересной и неожиданной.

Поставив Диккенса, я машинально взял соседний том – довольно толстый, в украшенной цветами обложке, почему-то без названия и имени автора. Открыв книгу, я с изумлением увидел на форзаце свою фотографию. Странно, я не помнил такого издания... Но еще больше я удивился, пролистав страницы. В руках у меня был сборник рассказов, которые я сочинил давным-давно для своего сына. Я хорошо помнил, что никогда не пытался издать этот сборник, поскольку многие истории были камерными, понятными только нам с сынишкой. Более того, значительную часть историй я даже не записывал! А теперь вдруг увидел их напечатанными.

Я посмотрел исходные данные. Еще более странно – почему-то ни названия издательства, ни года выпуска, ни фамилий редакторов и верстальщиков. Зато сказано, что это третье издание и его тираж пятьдесят тысяч. Получалось, что книга, в которую я не верил, несмотря на то, что сочинял ее от души, даже больше того – сочинял ее, вкладывая в нее душу, как ни в какую другую, определенно имела успех. Я почувствовал, как к горлу подступает ком. Вспомнил, как мой, тогда еще одиннадцатилетний сын лежал в постели с температурой, а я, примостившись с ноутбуком на углу кровати, читал ему свой новый рассказ (в этом издании он шел под шестым номером). И следующий рассказ возник после того, как сын заинтере-

совался одним из второстепенных героев и попросил придумать историю про него. А потом еще одну, уже про другого героя, и еще... Более того, сын даже подсказывал мне для них сюжетные ходы. Но это было уже потом, а сначала сын, весь такой больной, красноносый и несчастный, слушал мой первый рассказ, увлекшись настолько, что забыл о плохом самочувствии.

– Он ведь не погибнет? Не погибнет? – взволнованно спрашивал он, когда по сюжету книги один из героев сорвался в пропасть.

– Слушай дальше и все узнаешь, – отвечал я.

– Я слушаю, слушаю! – заверил сын. – Но только... папа...

– Что, милый?

– ...Пообещай мне, что ты тоже никогда не умрешь, хорошо? – вдруг попросил сын, так по-детски доверчиво глядя на меня.

И мне ничего не оставалось, как соврать ему:

– Ну конечно, я никогда не умру. Ведь у меня есть ты. Если со мной что-то случится, я подумаю о тебе – и сразу спасусь.

Ком в груди рос, словно нечто, не так давно уснувшее, убаюканное лаской моей любимой, вновь проснулось и с новой силой рвалось на свободу. В уголках глаз предательски щипало.

Я поставил книгу на место и пошел в ванную. Долго стоял там и смотрел на себя в зеркало. Мне хорошо за сорок, но выгляжу я значительно моложе, даже сейчас, хотя давно не посещал тренажерку и не был у косметолога.

Сдержал ли я свое обещание? Смешной, казалось бы, вопрос. Я вроде живой. Для себя. А для сына? Не умер ли я для него? Не был ли я для него словно мертвый, как пропавший без вести? Не оставил ли я его одного?

Сделал ли то, чего он хотел, прося меня пообещать, что не умру?

Я понял, что плачу, и поспешил утереть предательские слезы. А потом подошла она, тронула меня за левое плечо. Она не сказала ни слова, лишь повела меня за собой. И, когда мы выходили из ванной, мне послышался голос сына. Не мальчика из моих воспоминаний, а взрослого мужчины, с которым я уже почти не общался. И этот голос просил меня не умирать. Но я боялся, что уже поздно.

* * *

Ей я не сказал ничего, но она и сама знает, что произошло. Она всегда все знала. А узнав, захотела уйти. Она считает, что так будет лучше, но будет ли? И с кем я останусь, если она уйдет? Кому я еще нужен?

Но я не могу ее остановить. Я чувствую, как пальцы фарфоровой статуэтки дотрагиваются до моей щеки, как холодные губы осторожно касаются моих губ.

«Не уходи! – мысленно прошу я. – Не оставляй меня одного. Не дай мне вернуться в царство теней. Я хочу быть с тобой здесь, в вечном полумраке и покое...»

Боль в груди, поутихшая было, нарастает, по телу пробегает судорога. Я слышу легкие удаляющиеся шаги моей подруги. И когда они почти затихают, до меня доносятся еле слышные слова: «Ты вернешься ко мне, любимый. Но не сейчас. А я буду ждать тебя».

И я понимаю, что так и не спросил, как ее зовут. Но это уже не важно.

А потом у меня над головой вспыхивают семь ярких солнц.

* * *

Лица двух человек, склонившихся надо мной, кажутся одинаковыми за марлевыми повязками, но это не так: один мужчина постарше, а второй... второй мой сын. Я слышу, как тот, что постарше, говорит, что все хорошо. Говорит что-то об обширном инфаркте, о полугодовой коме, о благоприятном прогнозе, восстанавливающей терапии и успехах моего сына.

Но все это не важно, по сравнению с тем, что теперь я знаю, как зовут мою любимую. Имен у нее много, но есть одно, самое главное.

Пока мы не можем быть вместе, но придет время, и я обязательно вернусь к ней. И она будет меня ждать. Теперь я не беспокоюсь ни о чем, ведь я знаю ее имя.

Ее зовут Смерть.

Ариадна Борисова

Дочь семи кровей, Ариадна Борисова родилась в Якутии. В десятом классе не была допущена к экзаменам за «аморальное поведение», которое заключалось в политических разногласиях с директором, преподавателем истории. Сдав экзамены в вечерней школе, сбежала в Егорьевск с первым встречным. С тех пор все еще живет с тем же встречным, у них двое детей, внуки... Испробовав множество профессий – от кочегара до работника культуры, – Ариадна Борисова остановилась на литературной деятельности. Ее талант – видеть океан в капле и вечное в бытовом, мелочном.

Убить муравья

Странно устроена человеческая память. Оставляет тебе один день в мельчайших подробностях, а другие, забытые дни года, мельтешат вокруг сорным вихрем. Если очень надо, можно, конечно, выхватить из этого вихря какое-то событие, но вспоминаешь его уже не в первых красках – просто констатируешь факт, ставший, возможно, подспорьем взрослому опыту. А особенный день потому и видится вживе, что память в полном объеме сохраняет в нем чистоту переживаний.

...Закрываю глаза и отчетливо вижу старый дом под горой. Мой холст не загроможден ничем лишним, летние мазки свежи и яркие, как впечатления любого семилетнего человека. Вижу светящийся на фоне темно-седых бревен нимб белых волос – это прабабушка Евдокия (бабушка Дуся, бабдуся в сокращении) сидит на завалинке с вытянутым из голика¹ прутом в руках. Собирается вздуть меня за опоздание к ужину.

Вижу нарядный «залец» в доме: мраморные от крахмала занавески, круг стола молочной белизны. Вижу тусклый блеск кованых изразцов на сундуке – в него запрещалось заглядывать, но я знала, что там, поверх зимней одежды, лежит кулек необычайно вкусных самодельных конфет. Размером они со спичечный коробок, корочка хрустящая, леденцовая, а начинка похожа на халву из кедровых орешков. Вижу в спальне над изголовьем кровати узкий шкафчик с покрашенными изнутри стеклами. Шкафчик тоже не разрешалось открывать, по вечерам бабдуся сама распахивала его дверцы и створки стоящего внутри киота. Перед сном в спущенной лампадке теплился огонек...

Несколько раз в год меня отвозили к прабабушке в город на причастие. Неверующие родители не препятствовали в святом деле ее долга и сердца. Крещеные правнуки ездили к ней по одному – с кучей пострелят никто бы не справился. Я любила «церковные» дни и всегда с нетерпением ждала своей очереди.

Накануне вечером бабдуся читала каноны, я – «Отче наш». Утро начиналось с урока смирения: я надевала противный лифчик с пуговицами на спине и пристегивала к пахам вечно спадающие чулки. Прабабушка почему-то считала их необходимой деталью нашего похода. Люди еще не слышали о таком чудесном изобретении, как колготки, из-за которых спустя энное количество лет мой сын будет скандалить по утрам перед садиком, сопротивляясь унижению своей гендерной идентификации, ведь папа не носит колготок.

Белокаменный Спасский собор зеленел куполами без крестов на соседней улице. До революции на пожертвования прадедушки в храме произвели ремонт. Позже собор использовался под всякие нужды: был продовольственным складом, салоном художественной фотографии, еще чем-то; теперь в нем располагалось ателье индивидуального пошива, действующая же православная церковь находилась по дороге в аэропорт и отличалась от соседних домов лишь маленьким распятием на калитке.

В церкви пахло сладким дымом. Мне нравилась отдающая тайной и позолотой здешняя атмосфера, но в тот день мою нечистую совесть терзали вопросы. Признаться священнику в краже пирожков с тарелки до прихода гостей – совсем не то, что маме... Во-первых, я съела при ней два «законных» пирожка с молоком, во-вторых, получила, отяготила себя грехами не только кражи, но и алчности, и обжорства. Это сколько же на мне смертных грехов?

Бог все видел, и я призналась во всех.

– Маме скажи, – улыбается батюшка.

– Я ей сказала.

– И что мама?

¹ Голик – веник из голых ивовых прутьев. – Прим. авт.

– Простила...

– Вот и Господь тебя простил.

В раскрытые по-птичьи рты льется винная Христова кровь. Из объяснения прабабушки я поняла, что «кровь и плоть» называются так понарошку, хотя святости в них столько же, как если бы они были всамделишными.

Мы не завтракали и возвращаемся к обеду голодными. Первым делом я скидываю чулки и платье. Благодарю тебя, Господи, что на свете существуют мальчишки и, следовательно, мальчишечья одежда – рубашка с короткими рукавами и шорты!

Пока я переодевалась, на столе успела появиться еда. Бабдуся наливает себе в стакан черный чай, мне в чашку – забеленный молоком. С аппетитом уплетаю запеченную вчера рыбу, толченку² и домашний хлеб. Незаметно засовываю поджаристую горбушку в карман – Господь простит!

Бабдуся позволила мне поиграть с ребятами во дворе общежития напротив. Честно говоря, она нестрога за мной присматривала. Очевидно, считала завершенной миссию по спасению моей неутомимой души до следующего раза.

Я предвкушала, как мне обрадуются друзья. Не соскучишься с ними в играх с мячом, в прятки, в «классики», «цепи-цепи кованы» и «чур, не голю»! Лишь бы ни с кем не поссориться, такое тоже бывает. Но даже если назреет драка, по дворовым условиям неприятели должны подать друг другу руки со специальными словами примирения: «Хинди руси бхай, бхай». Когда папа объяснил мне, что эти слова означают не совсем то, что мы подразумевали, я отмахнулась: индийцы, русские – какая разница? Главное – дружба всех! Кроме коренных русских, якутов и эвенков в нашем городке жили потомки сосланных в разные годы татар, цыган, немцев, евреев, литовцев и финнов-ингерманландцев. Теперь большая часть их разъехалась по «историческим родинам».

В проходе между сараями стоял и смотрел на меня ничем не примечательный мальчик примерно моего возраста. Тропа была узкая, а незнакомый мальчик нарочно уселся на корточках поперек и уставился на божью коровку, ползущую по цветку клевера. Я обошла юного натуралиста, прижимаясь к стене сарая. Мальчик смотрел на жучка так сосредоточенно, будто впрямь заинтересовался – им, а не мной.

– Знаешь, где много-много божьих коровок? – не выдержала я.

Он поднял голову:

– Где?

На такие вопросы есть готовые ответы-дразнилки. «Кто? – Дед Пихто!», «Че? – Через плечо!».

– Где, где – у тебя на бороде!

Тут бы броситься наутек – мальчишка чужой, прибьет, чего доброго. Но он рассмеялся, и я остановилась. Детское общение свободно от многозначительных пауз.

– Мальчик, пошли играть!

– Не, я на реку.

Над нами наверняка довлели одинаковые запреты.

– Разве тебя одного пускают?

– Я не спрашиваюсь, – пожал он плечом. – Папа в командировке, послезавтра только вернется.

– А мама?

– Мама далеко.

– Где? – я допустила оплошность.

² Толченкой в Сибири называют картофельное пюре. – Прим. авт.

– В Караганде, – усмехнулся он (еще один вариант ответа). – Мы в Иркутске живем, сюда я к отцу на каникулы приехал.

– Один?!

– Мама на самолет посадила, и я прилетел.

Оказалось, этот на редкость самостоятельный мальчик по имени Олег перешел уже в третий класс (я-то во второй). Мы поболтали о божьих коровках. Их жизнь действительно была ему интересна.

– Когда вырасту, стану энтомологом.

– Будешь изучать жучков?

– Всяких насекомых.

Мы миновали задворки общежития. Впервые иду купаться без взрослых. Вину побега затмевает новизна ощущения. «Прости, бабдуся, я скоро вернуся!» – думаю бесшабашно.

И вот в просветах улиц, как слюдяные пластинки, вспыхивает река. Наша Лена. Самая красивая река в мире, красивее нет, честное слово. Вода в ней студеная даже в зной, течение сильное... Хорошо ли плавает Олег? Я умею только «по-собачьи» и немного волнуюсь.

На пляже с десятков разновозрастных детей и толстый Боба. Я знаю Бобу, он из общежития, всегда ходит с братом Никиткой и Фаридом с набережной улицы. Успокаиваюсь: слышала, что Фарид отличный пловец.

Мальчишки немного старше меня, а сколько лет Бобе – непонятно. Он пузатый и мягкий, будто родители не очень умело слепили его из розового пластилина. На лбу залысины, щель тонкогубого рта всегда приоткрыта. Боба большой, но не взрослый.

Ребята нашли где-то сходни с железными поручнями – наверное, половодьем прибило, и катаются, как на плоту, приспособив Бобу в роли буксира. «Плот» не настолько надежный, чтобы отправиться в странствие, но вес двух огольцов держит крепко. Боба радостно машет рукой, и я рада – узнал.

Сбрасываем одежду и сандалии у валуна. Камень такой горячий, что на нем можно запросто жарить яичницу. Отсутствие купальника меня не смущает, в этом я пока равна мальчишкам – на мне шитые мамой сатиновые трусики. Быстренько снимаю с груди крестик, прячу в карман – ни к чему вопросы.

У-у, какая вода холодная! Но скоро мое взбодренное тело привыкает и блаженствует в прозрачных руках Лены. Река фантастически пахнет дождем, играет нами, не торопясь отпустить, и несется вдаль сверкающей параллелью. Движение волн никогда не кончается – невозможно поверить, но это правда.

Сидя на сходнях, как огромный китайский болванчик, Боба заливается счастливым смехом. Впряженные в веревку мальчишки бурлачат на совесть, он их дольше возил. Потом на сходни забираются четыре человека, я пятая, и мы не тонем! Настоящий плот!

Вдоль берега пролетает моторная лодка, оставляя за собой кипучий пенистый след. Качаемся на искусственных валах. Мгновение волна дыбом стоит надо мной, как бы в раздумье, и возносит на гребень – взлет с остановкой дыхания перед тем, как рухнуть в пропасть: вверх-вниз, вверх-вниз! В сердце – восторг, в животе – щекотка, от воды щемит нос. Выползаю на берег.

Солнце ослепляет глаза, сквозь алую плоть ладоней просвечивают тонкие кисти – косточки на шарнирах суставов. Зубы человека-конструктора отбивают автоматическую дробь. Нагретый песок шершав, но быстро впитывает влажность кожи, зябкость... Тепло, хорошо! Хорошо быть человеком.

Олег валится рядом. Улыбка, как фонарик, зажигает веселые карие глаза и все его смугло-румяное лицо.

– Здорово, правда?

– Правда! Здорово!

Рассказывает о Байкале, о тамошней природе. Я спорю: «Лена лучше! Таких сказочных скал, как на ней, поискать! Папин друг обещал одолжить моторную лодку, чтобы мы всей семьей съездили на Ленские столбы и на реку Чару за охтой – диким виноградом».

Удивительный мальчик Олег, с ним уютно и просто, словно мы знакомы сто лет. В Иркутске у него мама, отчим и сестренка, здесь – отец и жена отца. Отчим – неродной отец, как я понимаю... Нет, не понимаю. Не могу представить вместо своего папы чужого человека. Или мачеху вместо мамы. Некоторые взрослые – очень непонятные люди. Когда я вырасту, я женюсь на одном-единственном человеке и буду любить его до гроба. Жаль, что Олег уедет обратно в Иркутск...

Ветерок приятно задувает в подсохший затылок. Над нами проходят ноги. Толстый Боба с Никиткой идут куда-то по берегу. Никитка велит брату высморкаться, Боба послушный – блестящая нить летит по ветру.

Олег задумчиво улыбается в спину братьям. Они понравились ему, я заметила. Он им тоже.

– Э-эй! Идите сюда! – раздается крик Фарида с той стороны, куда направляются эти двое.

Еще ноги. Чуть погода слышу:

– Аря-а!

Лень вставать.

– Ая-а-а! – вторит Фариду Боба.

Свое укороченное имя я не люблю, в школе те, с кем поссорюсь, дразнят меня «Аря-харя». Родные зовут Аречкой, будто спрашивают: «А речка?»

Я – речка. Поднимаюсь, стряхиваю с себя песчаные берега. Теку на зов друзей, хотя есть подозрение, что мальчишки хотели бы видеть Олега, но не знают имени – познакомиться не успели. Вот он, ваш Олег.

Фарид обнаружил небольшую лодку на сухом склоне у тальниковых кустов. В боку пробоина, задранный нос со свисающим обрывком цепи тоскливо устремлен к реке. Но ребята рассматривают не лодку.

– Муравейник! – восклицает Олег. Фарид нечаянно угадал его увлечение.

Крохотные зодчие ловко придумали возвести дом прямо в лодке. Передняя ее часть прикрывает строение от ветра с реки. Непрерывно снуют по холмику бойкие жители, крепят сильными лапками щепочки и песчинки, захватывают клещиками ртов грузы крупнее своих бисерных телец. Эти хлопотуны отдыхают только зимой?

Никитка обдирает для меня кору на ветке. Муравьиный сок – лакомство специфическое, от одного упоминания скулы сводит, как при виде лимонных долек.

– Подождите, я сейчас! – срываюсь, бегу к валуну. Денег у меня нет, но есть горбушка.

Муравьиные купцы!

Продадите леденцы?

А за вкусную еду

Вам копеечки дадут!

«Купцы» льнут к послуненным веткам и делятся с нами соком – кислее лимона, красной смородины и щавеля, вместе взятых! Сок обжигает уголки губ. Вокруг гудит шмель, привлеченный остатками пиршества, на обсосанных палочках. Сотни тружеников закапывают в кладовки крошки хлеба.

Для муравьев это, должно быть, манна небесная. Ею они будут кормить матку, чтобы она отложила личинки, из которых вылупятся новые строители, рабочие, воины и добыт-

чики. Так сказал Олег. Он без труда стал центром притяжения всех глаз и ушей, даже в сонливом лице Бобы проснулся интерес.

– Давайте разроем? Посмотрим на матку с личинками, – предлагает Фарид и, не дожидаясь нашего согласия, размахивается веткой, как саблей, – срубить верхушку. Олег успел перехватить.

– Ты что?! – вспыхивает Фарид.

В воздухе пахнет дракой. Вне общежитского двора «бхай бхай» не используется, и Никитка расстроен – чью сторону взять? Плохо, что я не обулась, в сандалиях легче пинаться.

– Знаешь, почему муравьи – в лодке?

– Почему? – Фарид деморализовал мирный тон противника.

– Потому что они как люди. Может, среди них путешественники есть.

– Ага, и купцы с кондитерской фабрикой, – криво ухмыляется Фарид.

– Я в журнале «Вокруг света» о муравьях-геологах читал.

Олег рассказывает о том, как геологи (люди) нашли на муравьиной тропинке крупички золота, а потом сам муравейник – сплошь из золотого песка!

Фариду еще больше хочется разрыть холмик и посмотреть, что там внутри, но желание начать погром первым перегорело.

– Так и так кто-нибудь затопчет... Или собаки раскопают...

– Собаки для насекомых – как великаны, – говорит с облегчением Никитка. Рад, что драка погасла. – Люди еще великанистее. Перенести бы муравейник отсюда.

– Куда?..

Мы молчим, очарованные чудом разумно устроенной жизни. Она – миниатюрный прообраз нашей, такой же незащитной перед лицом неведомых опасностей. Атомный гриб войны, астероид, вечная зима – мало ли что способно погубить человечество.

За полосой берега и дорогой отстраненно шумит город. Над трудолюбивой горкой гудит бомбардировщик-шмель. Наше затянувшееся молчание прерывает раскрасневшийся от жары и волнения Боба. Силится донести до нас ускользающую мысль, но непокорные слова не поддаются, путаются и распадаются на отдельные звуки. Мы ждем. В натужном выдохе Боба наконец делится каким-то огромным открытием:

– Босикомы!

– Насекомых жалеет, – привычно «переводит» Никитка.

В следующую минуту четырнадцать рук выгребают песок и мусор из-под бортов лодки, с ее дна, оставляя нетронутым живой участок. Муравьи бестолково мечутся, падают, бегут, ползут в панике поверх черноголовых толп. Совсем как люди.

...Мы не собираемся крушить ваше жилье – напротив, хотим вас спасти. Вы отправитесь по реке далеко-далеко. Нет, не на этом дырявом корабле, мы подарим вам другой. Он причалит к необитаемому лесному берегу, вы перетащите туда свой дом или постройте новый. Вас там никто не обидит...

Солнце палит как бешеное. Пальцы ранятся о резучие корни тальника, в ногти забились песок и дерн, но мы не жалуемся. Боба сидит поодаль и с изумлением разглядывает муравьиную горку. До сих пор он, похоже, знал только то, что мог увидеть, потрогать, лизнуть, как кислую веточку с дарами «купцов», теперь же постиг нечто невещественное и тем не менее очень важное. Может быть, главное. Названия этому нет и у нас.

Волосы слиплись, виски заливают пот, но Олег, такой же потный и грязный, заряжает наше существование какой-то светлой силой. Во мне сумбурно смешиваются события жизни и опыт, почерпнутый из прочитанных книг. Руки трудятся, губы улыбаются Олегу. Я хочу, чтобы он всегда жил в нашем городе, хочу тонкую талию, как у муравьев (без брюшка), и лицо красивое, как у мамы.

Мы освободили лодку. Толкаем в корму осторожно, чтобы не навредить муравьям, Боба впереди тянет цепь. В песке остается глубокая борозда, испещренная рыхлыми полосами и следами босых ног. Таким черепашьям аллюром нам и к ночи не доволочь до места суденышко, казавшееся нетяжелым вначале. Ох, опыт, ты приходишь не из книг!

Фарид приносит из дому кусок фанеры. Острый край ее взрезает пласт слежавшегося песка под муравейником, и вот невредимый маленький мир стоит на плоском листе.

Боба размазывает по чумазому лицу слезы и сопли, в руке горсть земли с раздавленными «босикомыми».

– Убий, убий, – повторяет он плача. Обрезанные выше колен трико потемнели между ног – описался от огорчения.

– Ты же не нарочно на них наступил, – утешает Никитка. – Они мелкие, а ты вон какой большой, ты их просто не заметил.

До меня вдруг доходит, что ум, сноровка, тонкая талия, красота лица – второстепенные частности любви. Никитка любит брата таким, какой он есть.

Я тоже люблю свою сестру, маму, папу и всех родных (несмотря на некоторые их недостатки), а теперь, как ни странно, люблю и постороннего человека. Я восхищаюсь им и чувствую гордость за него вовсе не потому, что он умный и красивый. Олег ничуть не красивый, но если он уедет в Иркутск, я умру.

Легкий ветер обдувает лодыжки сухим песком. Поперек поручней мальчишки закрепили веревкой навес из веток – для тени и на случай дождя. Муравейник опоясан кольцом травы и дерна. Кто-то высыпал из карманов кусочки печенья и несколько карамелек. Готовый к отплытию плот колыхнется на волнах.

– Они нас запомнят?

– Конечно. У них же коллективный мозг.

Мы входим в реку. Олег складывает ладони рупором и дает три прощальных гудка.

– Попутного ветра!

– Семь футов под килем!

На палке, воткнутой между ветками, развевается голубая майка Фарида. Мы стоим в холодной воде неподвижно, с ощущением какой-то пронзительной радости и чистоты. Толстый Боба снова близок к слезам (и не только он). Это здорово – вместе стоять и смотреть, как спешит по течению и теряется в алой заре муравьиный ковчег, а потом:

пропускать сквозь пальцы бегущую с напором реку,

забрасывать небо тучами брызг,

подлетать на водяных качелях, созданных вернувшейся откуда-то моторкой,

купаться в золоте самой высокой пробы на зависть библейским дельцам,

чувствовать себя богачами и владыками мира

и верить в свое бессмертие.

Это здорово!

Мы полны жизни, лета, реки. В ней отражается вечернее солнце. Наша река – лучшее небо... Но с берега доносится: «Олег, Олег!», и мы падаем с неба на землю.

Молодая женщина в нарядном платье, с красивым холодным лицом, спустилась с откоса. Наш командир уже одевается.

Зачем Снежная королева приблизилась к валуну? А я – зачем?.. Я для нее меньше муравья, я не существую, иначе она не сказала бы при мне то, что обрывками злых фраз – ледяных мушек – вторглось в мои уши.

– ...Удрал! ... беспризорниками... с этим жутким идиотом, на него... мерзко! ... Отобры, хулиганы! Чем вы занимались весь день?! ... как их отцы, алкаши... Что я скажу тебе... не покладая рук, а его сын... Завтра же куплю билет... поставлю перед фактом... надоело... Надоело!

В моем сердце стужа. Такой стужи не было и в реке. Пусть я умру, но пусть мальчик из Иркутска никогда не приезжает в наш город.

Голова Олега опущена, ему стыдно.

– Пока, – говорит тихо.

– До свидания, – отвечаю я, а на уме вертится дразнилка: «За «пока» бьют бока». Я точно знаю, что больше не увижу человека, которого полюбила за полдня так же сильно, как люблю родных людей.

– Ребята, пока! – взмах рукой и фонарик улыбки.

Женщина торопит, костяшками пальцев легонько подталкивая мальчика в спину.

Из-под края валуна торчат кончики синих носков. Бегу, крича:

– Ты забыл, Олег, ты носки забыл!

Он оглядывается, женщина тоже обернулась. Помедлив, протягиваю носки ей.

– Спасибо, – в ее устах это звучит как «пошла вон».

Не увидеть меня теперь сложно. Помещаюсь в ее глазах вся, еще и раздваиваюсь – пара растрепанных босых девочек в мальчишечьих сатиновых трусиках. Кто из них – я? Не знаю, но по крайней мере одна из этих беспризорниц (наверное, большая оторва и хулиганка) выкрикивает в лицо Снежной королеве расхожий ответ:

– Спасибо – некрасиво, надо денежки платить!

...Как добралась домой, я не помню. Помню прабабушку на завалинке, с прутиком в руке. Дальше все застит вода. Я не могу остановить слезы, повернуть мои реки вспять. Вместо слов из сжатого горла вырываются судорожные вздохи, какие-то нечленораздельные звуки – ощущаю себя Бобой.

Бабдуся мудрым наитием поняла, что ничего плохого со мной не произошло. За ее плечами все-таки восемьдесят лет и богатый житейский опыт. Ей хочется одновременно выпороть непутевую правнучку и пожалеть. Помедлив, она делает то и другое: бьет прутиком по моей попе (совсем не больно) и привлекает к своей теплой груди.

Несмотря на отвращение к жизни, съедаю тарелку толченки с хлебом. На десерт меня ждет самодельная конфета из запретного сундука.

Бабдуся втирает в мои обгоревшие на солнце плечи и спину гусиный жир.

– Над чем слезы-то проливала?

Я рассказываю, помогая жестами, бессильная выразить словом чувство, нарисовать речью живые картины: ювелирное копошение муравьиной общины, счастливые лица ребят, толстого Бобу с ущербным разумом и ангельским сердцем, двух девочек муравьиного роста в глазах недоброй женщины и Олега... в чьей жизни не будет меня. Я еще не догадываюсь, что кроме той всеобъемлющей любви, которой мы щедро делились сегодня с миром, и той сокровенной, впервые познанной, которая принадлежит только мне, существует множество других ее ликов и множество личин, выдающих себя за нее.

Опять хочется плакать. Суровая рука нежно гладит мою бедовую голову.

– Ничего-о... Хорошее запомнится – станет опорой. Повезло вам махонькое диво увидеть, злому-то человеку не дано.

– Почему?

– Ну, почему... Бывает, ребенок нарочно топчет муравьев, и нет рядом с ним никого, кто унял бы. Самому-то невдомек, что он не их убивает, а радость в себе. Раз убил, два убил, дальше пошел... Злой человек вещь больше жалеет, чем живое, и радость его поддельная – вся от неживых вещей.

– У нас уже не поддельная?

– У вас – настоящая. С таким-то счастьем в душе ты теперь даже злого человека можешь пожалеть, Аречка. Пожалеть – и простить.

...Едва я добралась до раскладушки, прозрачные воды сна унесли меня далеко-далеко... День махонького дива не повторится, но столько еще событий произойдет, столько взлетов на гребень волны и падений – не сосчитать. Я Аречка-речка, я теку ручейком к большой реке...

Непонятно, когда отбурлило беспокойное мое течение; тихо движусь к другому берегу. Он мне знаком – тот берег, где на фоне серо-седых бревен старого дома светится нимб над прабабушкиной головой. Я неизбежно туда попаду и снова увижу мраморные от крахмала занавески, круг стола молочной белизны, сундук с изразцами и огонек в лампадке над прабабушкиной кроватью. Бабдуся при мне приготовит вкуснейшие конфеты с начинкой, похожей на халву из кедровых орешков – я ведь так и не удосужилась спросить рецепт... Потом мы возьмемся за руки и войдем в золотое небо реки. Сверкающей параллелью побегут мимо нас бесконечные волны, а мы с бабдусей будем стоять долго обнявшись – стоять и смотреть, как плывет по алой заре муравьиный ковчег.

Роман Сенчин

Роман Сенчин в детстве, как и все мальчишки, зачитывался приключенческими романами Стивенсона, Верна, Скотта, пока не познакомился с неоклассической прозой Распутина, это потрясение предопределило повествовательную манеру, с которой Роман через много лет стал лауреатом главных литературных премий России. Счастье, считает Роман, – это воспоминания, от которых становится тепло на душе.

Проба чувств

Мне было четырнадцать лет, и я метался по родному городку в поисках любви.

Влюбляться в одноклассницу, или вообще в девушку из школы, было глупо и опасно – вполне могли зачмырить. В то время пацаны с девчонками не дружили.

Я шагал по отдаленным кварталам, таращась на девушек. Многие, очень многие были симпатичны, многих хотелось потрогать. Но любви – той вспышки, о которой вычитал в книжках, – не испытывал. Продолжал искать.

Однажды будним утром не пошел на уроки, а забрался на самую окраину. Приехал на автобусе и вылез на конечной. Там городок кончался не кривыми избушками, а свежими пятиэтажными домами. За ними – степь, в которой стояла серая глыба ТЭЦ с тремя толстыми полосатыми трубами.

Я огляделся и сел на скамейку. Спрашивал себя: «Зачем забрался сюда? Следующий автобус неизвестно когда...»

Был апрель, снег дотаивал под заборами и стенами домов. Запахи – разные и не все приятные – щекотали ноздри, кружили голову. Но хорошо было, солнечно и почти тепло. И я предчувствовал, что в такое утро должно случиться неожиданное, светлое, новое, как сама весна. Такая вот лирика, но она простительна в четырнадцать лет...

Сидел, помню, долго, жмурился от обилия света. К остановке стекались люди. И вдруг – действительно вдруг – среди кучки бесцветных, посредственных, безразличных мне появилась она. Я искал, предчувствовал, но все же не верил. И вот...

О, это было страшно! Правду, оказалось, писали классики – сердце затрепетало, в виски ударила кровь, в глазах моих потемнело. Она стояла в каких-нибудь трех шагах, впол-оборота ко мне. Она стояла как-то особенно, неповторимо, одета была тоже не так, как остальные. Хотя вроде бы такой же плащ, шуршащий, голубенький, нитяные колготки, сероватая шапка навроде берет. Белая сумочка с потрескавшимся ремешком...

Но все в ней было ярко так, по-весеннему. Словно сама весна подошла. Весна и не должна быть пестрой...

Я смотрел рывками: то на нее, то в сыроватую землю, то на нее, то снова в землю... Окурки, билетики, горелые спички. Ребристые пробки от газировки. Совсем недавно мы с пацанами бегали и собирали их, расплющивали и играли в чику. Как хорошо мне было тогда – до того, как стало необходимо влюбиться.

Автобус.

И к автобусу она тоже пошла особенно, не как к желтому жестяному ящику на колесах, а будто к роскошному автомобилю. Словно к «Шевроле», «Альфа Ромео», «Кадилаку»... Что там еще бывает в кино...

Походка ее была легкой, летящей... Ох, как же избиты, опошлены эти слова! Наверное, триста лет назад они были свежи, а теперь... В общем, шла, как в стихах лириков Серебряного века. Как будто она из подобного стихотворения появилась, а не из подъезда кирпичной пятиэтажки.

Влюбился. Влюбился сразу и глубоко, болезненно, как нормальный романтический герой русской классической литературы. Но я не классик, чтобы суметь описать ее без банальностей и объяснить, что она со мной сделала, даже не подозревая о том, не замечая меня, маленького, безликого, рядового...

Почти каждый день, кроме выходных, а бывало, и в выходные (на всякий случай), я ездил туда, на ту окраину, ту конечную остановку, выходил из автобуса и ждал.

А потом входил в автобус следом за нею. Провожал до поликлиники, где она работала в кабинете доврачебного осмотра. Давала градусники желающим получить бюллетень, а затем отправляла к терапевту или выпроваживала симулянтов. Что-то такое...

Я сидел на мягкой скамеечке против двери ее кабинета и в редкие секунды открывания и закрывания двери видел ее... Видеть ее стало для меня... короче, я не мог без нее. Когда приехать не удавалось или она не приходила на остановку, день получался мертвым. Выходные стали лишними, мучительными – я ждал понедельника.

Я пропускал уроки, не мог делать домашние задания. Не разговаривал с родителями, не читал книжки, не смотрел телевизор. Приятели косились на меня, как бы в чем-то подозревая...

Я знал, что никогда, ни за что не познакомлюсь с нею, не скажу ей ни единого слова, даже не взгляну на нее открыто и прямо; а если вдруг она бы каким-то чудом заговорила со мной («Молодой человек, что вы сидите? Вы ко мне?»), я бы просто убежал прочь, без оглядки, в смятении и ужасе.

Я даже не пытался мечтать. Не умещалось в воображении: я и она. Я просто ждал очередного свидания с ней. Тайного, сокрытого от всего мира, даже от нее самой. От всех – от всех, кроме меня.

Почти два месяца... Счастья, страха.

И вот однажды, шляясь по городу (в воскресенье, под вечер), я неожиданно-негаданно размечтался. Так реально представил, что вообще-то запросто могу подойти к ней, познакомиться, сказать несколько приятно-пошленьких слов, пошутить как-нибудь так симпатично... И вот уже вместе гуляем, разговариваем, держимся за руки, смотрим друг другу в глаза, касаемся губ друг друга. А вот уже мы, отдавшиеся ослепительной, горячей волне долгожданной страсти. Буря, шторм, умопомрачительный шквал... Как-то так это происходит, да?

О том, что мне нет и пятнадцати, а ей явно лет девятнадцать, я и не думал. Какой, на фиг, возраст? Я был сейчас взрослым, сильным, я все мог, весь мир обнять и спасти. Потому что в нем есть она.

Вот так!

Я остановился посреди тротуара, зажмурился, сверху защитил глаза горячей ладонью. Переждал. Пошел дальше. Явственно наблюдал, как вдвоем сидим мы меж двух кроваток, в которых наши – наши с ней! – дети. Мальчик и девочка. И я читаю вслух «Остров сокровищ». Боже мой, боже мой! Эта картинка так и цвела передо мной. Уютная спальня, свет настольной лампы, направленный на страницу, послушные, красивые, родные ребятишки в кроватках. Ее нежная узкая рука с длинными пальцами, лежащая на моей. Спокойствие и чистота...

Я был уверен, что это уже случилось и что она сейчас дома и ждет меня, накрывая на стол. Счастье, счастье коснулось меня своим живительным крылом. И я рванулся, заспешил куда-то, в этот несуществующий дом, в этот призрачный мир, где она, она ждет меня. Сумасшедший путник, бегущий по мертвой пустыне, обманутый миражом!..

Счастье коснулось меня и оставило. Да, я увидел ее. Она шла прямо навстречу. Она шла и улыбалась, блаженно щурясь... Судьба, широко размахнувшись, залепила мне между глаз.

Ее запросто так, небрежно обнимал за талию некто высокий, в полосатой футболке, узеньких джинсах. Как-то запросто так обнимал, даже опирался на нее, прижимал к себе. Небритый мальчуган с дорогой послушной куклой под боком. Ей, наверное, неудобно идти. Но она улыбалась ему, смотрела на него снизу вверх преданными глазами, тянулась к его жесткому рту. А он смотрел вперед, и что-то ей говорил, и кривился в ленивой усмешке.

«О нет! – зарыдало в груди. – Не-ет...»

Я кинулся с тротуара прямо на проезжую часть. Зеленый «Запорожец» визгнул тормозами. Внутри меня хохотнуло: «Под «запаром» погибнешь, гамадрилина!»

Я перебежал дорогу, потом быстро куда-то шел.

И здесь не врут классики, когда пишут, что их герой вдруг, сам не помня как, куда-то забрел. Я тоже брел, ничего не соображая. Забрел в переулок. Низенькие щербатые заборы, молодая крапива, черные избушки из пористых от старости бревен. Скисшие лужи, кучи мусора, червивые яблоньки-дички... Меня облаивали собаки, люди смотрели недоуменно, как на небывалого урода, а я прятал от них замутненные не слезами, а какой-то едкой слизью глаза...

В конце концов я оказался дома, упал на кровать. Стонал и бил кулаком подушку... Родители перепугались, мама стала звонить приятелям, пытаясь выяснить, что со мной. Вдруг зачмырили бугры из враждебных кварталов. Отец тряс меня за плечо и спрашивал: «Кто? Скажи, разберемся». Я собрался с силами и сказал: «Никто... это не то... не это». Родители, видимо, поняли и отстали.

Больше я не ездил на ту остановку. Через неделю успокоился, почти не волновался, вспоминая о ней и об этом роковом столкновении на тротуаре.

Что ж, решил, кривясь в усмешке, подражая тому, кто ее обнимал, – захотелось любви, но не получилось. Дельце не выгорело, как говорится. Ячейка занята. Судьба дала в морду. Спасибо – не сильно, профилактически. Я даже, признаться, тайно радуюсь, что все так закончилось. И – главное – я понял: сильно чего-то хотеть нельзя, обязательно выйдет наоборот. И еще – нужно быть свободным, трезвым и одиноким.

Конечно, трезвым и одиноким я не остался. Эта влюбленность и страдания оказались этакой пробой чувств. Я обжегся, конечно, но и, как говорили тогда, закалился. Слегка, но все же.

Дальше влюблялся не раз. Иногда через силу. Чтоб почувствовать, что еще жив.

Мария Садловская

В захлавленной кладовке деревенского дома, где жила в детстве Мария Садловская, нашлась толстая, без первых листов книга в почерневшем картонном переплете. Много позже оказалось – это был «Идиот» Достоевского. Когда девочку спрашивали, на кого она будет учиться, Мария вслух отвечала: «На врача», а про себя думала: «Я буду Настасьей Филипповной». Образ этой женщины казался ей таинственно-прекрасным, однако Марию мучил вопрос, почему Настасью Филипповну все (по книге) презирали?! И тогда девочка решила переделать, переписать книгу! Долго она жила с этим «переписать». Повзрослев, перечитала всего Достоевского, поняла, что «не переписывают», но... было поздно. Мария уже «заразилась» писательством.

Бумажная роза

Говорят, первая любовь запоминается на всю жизнь. Наверное, так и есть. И Мария с этим согласна, потому как ее первая любовь врезалась в сознание навсегда. Прошло столько лет, а картинка перед глазами настолько яркая, живая, что кажется, ее персонажи вот-вот зайдут в гости... К сожалению, их давно уже в этом мире нет.

* * *

Время, о котором идет речь, конечно, можно бранить. Но оно, как и любое другое время, неповторимо и поэтому – прекрасно.

Еще не было радио, телевизора, не во всех домах было электричество. Телефон, один на весь поселок, висел на стенке кабинета председателя поселкового совета. О новостях по поселку узнавали только из уст в уста.

Бабушка Александра посылала поутру своих внучек Марию и Галю к воротам. Посмотреть, кто идет, куда, зачем?

– Да смотрите внимательно, все запоминайте! Может, кто новость какую скажет. Мне же некогда – обед надо готовить. Там, говорила Настя, Ленька Степанидин пришел из армии. Может, будет проходить мимо наших ворот, посмотрите, во что одет. Интересно. Придете – мне расскажете.

Мария и Галя ходили в школу, во вторую смену. Галя – в первый класс, а Мария – в третий. По сравнению с сестрой она считала себя достаточно взрослой.

Девочки подбегали к воротам, Галя сразу взбиралась на калитку верхом и просила сестру покатасть ее.

В этот раз они подошли к воротам и сразу замерли... По дороге, напротив их ворот, шел высокий, стройный парень в защитного цвета гимнастерке и таком же галифе. Грудь была увешана яркими медалями и значками. Младшая (Галя) громко воскликнула:

– Смотри, смотри, Марийка! Это, наверное, тот Ленька тетки Степаниды, что бабушка говорила. Побежали ей скажем!

И побежала. А Мария осталась. Широко раскрытыми глазами глядела на парня и не могла оторвать взгляд. Особенно ее поразили гимнастерка и галифе. До лица парня ее взгляд так и не добрался, он застыл на гимнастерке. И она еще долго провожала его глазами, аж пока он не скрылся в переулке.

Вечером за ужином шел разговор о прибывшем из армии Леньке. Бабушка, убирая со стола, разговаривала с мамой девочек:

– Представляешь, Катерина, какое Степаниде подспорье будет? Говорила Настя, что Леньку поставят бригадиром полевых работ. А в поле-то – и солома, и сено, и кукуруза... да все, что надо в хозяйстве. Понятно, что это и во дворе Степаниды будет. Своя рука – владыка.

Мария жадно слушала разговор, у нее перед глазами все еще шагал статный парень в военной форме. Когда засыпали, она, не выдержав, спросила сестру:

– Галь, скажи, правда же этот Ленька такой, как картинка, красивый?

Галя ответила ровным сопением, она уже спала. Мария, напомнив себе, что завтра утром побежит к воротам и, может, опять увидит этого красивого парня, тоже уснула.

* * *

И настало для Марии удивительное время. Все ее поступки, действия сводились к одному – она должна быть лучше всех, красивее всех! К сожалению, главное, что она осознавала, – надо быстрее вырасти. Но это – на потом. А сейчас, засыпая, она видела себя рядом с шагающим парнем в гимнастерке и галифе. Мысленно приноравливала свой шаг к четкой походке Леньки и шла, гордо поглядывая вокруг. Все должны осознать, что они вместе, – она, Марийка и Ленька Степанидин, которого уже назначили бригадиром.

* * *

Теперь каждое утро Марийка, все равно как в школу, бежала к воротам. Приходилось пораньше вставать, потому как бригадир Ленька спешил в правление колхоза получить утреннюю разнарядку от председателя. К тому времени он не каждый день носил гимнастерку и галифе. И Марийка наконец-то рассмотрела его лицо. Оно ей понравилось – именно с таким лицом можно носить военную форму.

Теперь она каждое утро пыталась так всмотреться в его глаза, чтобы поймать взгляд. Однажды это удалось, и она испугалась. А парень даже остановился. Он удивленно глядел на девочку, которая с расширенными глазами не отрывала от него взгляда. Он даже остановился и обеспокоенно спросил:

– Ты чего, девочка? Что-то хочешь сказать?

Но Мария к тому времени очнулась и стремглав юркнула под сиреневый куст. Ленька хмыкнул, пожал плечами и пошел дальше. А днем, в поле, где работала мама Марийки, к ней подошел бригадир и, отозвав в сторонку, спросил:

– Тетя Катерина, скажите, ваша девочка, та, что постарше, не болеет?

Изумленная Катерина прямо-таки ошолбенела:

– Это Марийка? Так вроде здоровая. А почему ты, Леня, спрашиваешь об этом? И где ты ее видел? Она со школы придет и все время дома.

Бригадир смущенно ответил:

– Она каждое утро стоит у ворот, когда я иду в контору. И всякий раз смотрит на меня так, будто что-то хочет сказать. Или хочет пожаловаться – не могу понять.

Катерина, успокоившись и уже улыбаясь, ответила:

– Это их двоих бабушка каждое утро посылает к воротам, узнавать новости. Но я все равно спрошу, чего она смотрит.

Вечером, укладываясь спать, Катерина вдруг вспомнила о разговоре с бригадиром Ленькой и стала рассказывать об этом бабушке. Мария и Галя еще не спали, тоже слышали. Галя, обиженная на сестру, что та не берет ее по утрам с собой к воротам, мстительно, смакуя каждое слово, объявила:

– А наша Марийка любит этого дядьку Леньку! Она мне говорила.

Все затихли. Лица бабушки и Катерины выражали крайнее изумление. Сама же Мария возмущенно крикнула:

– Ты врушка, ничего я тебе не говорила! Мама, она сама все выдумала!

От такой несправедливости у Гали глаза наполнились слезами, и она, убежденная в своей правоте, выдала:

– Ты же говорила, какая у него красивая гимнастерка? Говорила! – И, обращаясь к матери, закончила: – А еще говорила, что он как картинка! Вот так!

Катерина прикрикнула на девочек, напомнив – пора спать, завтра много работы.

Мария с Галей спали в одной кровати. Сегодня они отвернулись друг от друга. Галя быстро засопела, а Марийка втихую плакала, чего никогда раньше не делала. Хорошо, она отвернет голову в сторону, не будет на него глядеть, раз он пожаловался маме.

Она не могла понять, почему так больно. Будто у нее хотят отнять то, что принадлежит только ей одной. И впервые за последнее время, перед сном, у нее не получалось представить, как они идут по дороге вместе с Ленькой. Почему-то на нем не было галифе и гимнастерки. Уже засыпая, в полусне, она уговаривала его хотя бы что-нибудь одно надеть на себя. С ним же рядом идет она! Как же он не понимает?!

* * *

В школе Мария ходила в отличницах. Только по физкультуре была четверка. Не получалось у девочки подтягиваться на лестнице. Успешно хваталась только за первую планку, а потом повисала, как мешок с отрубями.

Видя, как Ленька чеканит шаг, особенно когда спешит, Марийка совсем упала духом: как она собирается вместе с ним идти нога в ногу, чтобы все видели и завидовали, что этот (самый красивый!) – с нею, Марийкой. Что он принадлежит ей и никто больше на него прав не имеет! А вот еще он поправил на ее голове косынку... да так заботливо.

И она начала по утрам во дворе маршировать. Уж этому она научится обязательно, если не может подтягиваться на лестнице. Маршировала босая, туфельки девочек берегли для школы. Ноги и подол платица сразу становились мокрыми от росы, но потом на солнышке быстро все высыхало.

Галя вначале изумленно глядела, потом начала и сама покорно топать вслед за сестрой, иногда, запутавшись в траве, падала. Вскоре ей это надоело, и девочка бросила маршировку.

А Мария, когда была одна в доме, перед зеркалом выпрямлялась, вспоминала команду учительницы по физкультуре, особенно для девочек: «Плечи назад, грудь – вперед!», и пыталась худые плечики наклонить назад, а вперед грудь. Так ей казалось.

* * *

Лето шло к завершению, урожай почти весь собрали. Наступало то время, когда молодежь начинала думать о свадьбах. Прокатилась по поселку новость – Ленька-бригадир женится. Да не на ком-нибудь, а на Райке, дочке председателя поселкового совета. Все охотно обговаривали предстоящее событие. Молодые девицы, давным-давно бывшие на выданье, злорадничали:

– Интересно будет поглядеть на эту пару: Ленька – стройный, высокий, и Райка – кубышка, одинаковая что вширь, что вверх. А сиськи, все равно что две подушки заложила за пазуху.

Некоторые возражали:

– Ну, на свадьбе-то она будет в подвенечном платье, нормальный лифчик наденет, будет все в порядке. Зато посмотрим интересную свадьбу.

Сначала новость о предстоящей свадьбе Леньки Марию почти не задела. Затем она стала продумывать это событие дальше. А когда попыталась, как всегда перед сном, вызвать перед глазами картинку идущих нога в ногу Леньку и ее, Марийку, – ничего не получалось. Ленька, конечно, шагал, даже в галифе. Но рядом с ним вместо Марийки пыхтела толстая Райка.

Мария загрустила. Она горевала об утренних ожиданиях у ворот, куда она выходила и теперь. Но уже совсем не так глядела на Леньку. И только когда он вдруг надел гимнастерку, у девочки вновь оттаяло внутри.

Ну и что? Пусть будет там у него дома Райка. Но на работу она же не будет с ним идти каждое утро? А он как ходил, так и будет ходить мимо ворот Марийки. И она будет глядеть ему прямо в глаза, даже не отворачиваясь!

И Марийка продолжала по утрам маршировать.

* * *

Катерина собралась в выходной день съездить на базар. Бабушка Александра напутствовала дочку:

– Гляди, Катерина, главное – не продешеви! У нас яйца крупные, не то что у других. Продавай подороже. Чеснока немножко возьми, весной он будет дороже. Но сейчас тоже очень нужны деньги. Масло растительное закончилось, даже вон соль и спички подходят к концу. В этот раз ничего не покупай. Подсчитаем, сколько будет денег, все распланируем, чтобы ничего не забыть. Тогда в своем поселковом магазине все и возьмем. А детям обувь на зиму купим, когда поросенка зарежем. Это будет туда, ближе к холодам.

Младшая Галя ходила за мамой и канючила:

– Мам, конфеток, хоть немножко, не забудь купить! Помнишь, как прошлый раз принесла с базара? Вкусные-вкусные!

Сегодня Марийка и Галя с утра у ворот не стояли. Выходной день. Хотя Мария изредка поглядывала на дорогу. Она боялась увидеть, как Ленька-бригадир будет идти рядом со своей невестой. До сих пор ни разу этого не было, что девочку радовало.

После обеда бабушка послала детей к воротам:

– Идите смотрите, как мама будет идти с базара!

Они с радостью побежали и вскоре так же радостно оповестили:

– Идет! Мама с базара идет! И у нас будут конфеты!

Катерина зашла в дом, молча села, держа сумку двумя руками почему-то у себя на коленях. Марийка и Галя пытливо поглядывали на маму, удивляясь ее молчанию. Подошла бабушка и поторопила Катерину:

– Ну, давай рассказывай, сколько наторговала. Да поставь на место сумку, чего ты ее держишь на коленях?

А Катерина сидела, понутив голову, продолжая молчать. Затем обреченно произнесла:

– Мама, будете меня ругать, знаю! И никогда не простите!.. – Она помолчала и выдала: – Нету денег, ни копейки!

Все замолчали. Лишь во все глаза уставились на Катерину. Затем бабушка воскликнула:

– Украла! Что же ты за раззява такая?!

Наконец Катерина решительно поднялась и громко сказала:

– Не украла! Я истратила все деньги, купила букет!

И стала аккуратно, со всеми предосторожностями, что-то доставать из сумки. Бабушка, на всякий случай, перекрестилась, затем, обращаясь к Марийке и Гале, спросила:

– Это что она сейчас такое сказала? Боже мой, она заболела! Это на нее кто-то сглаз наслал! Надо вечером к бабке отвести, пусть над ней пошепчет! Дай сюда сумку, что ты там копошишься?!

Младшая Галя вытирала кулачками слезы. У Марии, наоборот, глаза были сухие, она пыталась понять, что происходит.

Но в это время Катерина достала из сумки действительно букет...

Прошло, почитай, больше половины жизни, а Мария с тех пор ни разу не видела такой красоты. Да, это были искусственные цветы. Букет цветов. Но каким-то чудом они дышали!

Казалось, они дрожат, хотя их никто не трогал. Букет искусно подобран: в центре наверху царствовала роза, как и положено – бледно-розового цвета. Вокруг нее синели ирисы, кой-где выглядывали скромные ромашки. Но глаза всех были устремлены к розе... Казалось, на ее лепестках капельки росы. Было впечатление, что она живая и даже может заговорить.

Бабушка Александра, забыв обо всем, медленно подошла к букету и двумя ладонями обняла розу.

– Ах, сердце мое, какая красивая! Молодец, дочка, что купила! Я бы и сама не устояла. Как же от такого благолепия отказаться?!

Букет поставили в глиняный кувшин из-под молока, выбрав самый новый, и торжественно водрузили в парадной комнате на стол. Эта комната была «на показ», в ней никто не спал. Как говорила бабушка: «Чтобы было, что показать людям».

А по поселку прокатилась новость – Катька Садловская на все деньги, вырученные от продажи урожая с огорода, купила букет. Но какой-то особенный, что ее даже бабка Александра не ругала. Некоторые любопытные приходили, просили показать это диво. Кой-кого, по своему выбору, Александра, поджав губы, заводила в парадную комнату. Те дивились, цокали языками.

* * *

На следующее воскресенье намечалась первая свадьба в поселке – Леонида и Раисы. Мария с этим смирилась. Собственно, ей не мешала свадьба. Ленька также ходил мимо их дома, только был больше озабочен и совсем не замечал девочку у ворот. Но зато она могла безбоязненно вглядываться в его лицо. Разглядела глаза, увидела, какие у Леньки длинные ресницы. А все лицо у парня напоминало картинки к рассказам о героях Великой победы.

Мария наблюдала в школе за мальчишками-одноклассниками – нет, ни один из них даже близко не был похож на этого красавца. Ничего, пусть женится! Мария тоже будет расти. Когда-нибудь вырастет. Вот тогда!.. Что «тогда» – она дальше не знала.

* * *

На свадьбе у Райки с Ленькой, конечно же, будет играть духовой оркестр. Весь поселок сойдется посмотреть такое интересное событие. И Мария пойдет, обязательно. Она последнее время по утрам не выходила к воротам. И маршировать перестала после того, как бабушка сказала маме:

– Катя, присмотрись к ребенку, к Марийке, как она стала ходить. Что-то с девкой творится непонятное – как гвардеец шагает, шашку только в руки дай. Растет же девочка. Вместо того чтобы женственность какая-то появлялась, она как мужик!

Огорчилась Мария, услышав это. Значит, она не лучше, не красивее всех... Но на свадьбу пойдет. Посмотрит, какой будет Ленька в жениховской одежде.

* * *

Самое интересное во время свадьбы происходит в воскресенье. Где-то в полдень из дома невесты выходят под руку жених и невеста. Сзади их родители осыпают зерном пшеницы. Зерно перемешано с конфетами, у более зажиточных – с денежными монетками. Это действие особенно нравилось детворе, они бросались вслед за молодыми и подбирали конфеты, монетки.

Марийка с Галей пришли заранее, чтобы занять место поближе. В дом заходили близкие родственники, остальная толпа стояла во дворе, ожидая танцев. Духовой оркестр разместился вдоль забора.

Мария держала Галю за руку и вдруг сильно ее прижала, сестра даже ойкнула.

– Галя, гляди-гляди! Вон жених заходит в дом. Да не туда, вон на дверь смотри!

И замолчала. У нее даже приоткрылся рот. Она так и смотрела на Леньку с приоткрытым ртом. На женихе была белоснежная, отдающая голубизной рубашка и... галстук. Такого еще Марийка не видела на Леньке. Она даже забыла про галифе. Это был другой Ленька. Но все равно он – ее, Марийки. Она тоже сегодня в новом платье. У мамы выпросила шелковую косынку, повязала на шею. А на ногах туфли, те, что только для школы... Ей кажется, если Ленька увидит это все, ему понравится. А как он увидит?

Мария вдруг наклонилась к сестре и прошептала:

– Я сейчас немножко отойду, а ты стой, береги место. Я быстро!

Галя плаксивым голосом ответила:

– Я тоже писать хочу! Я с тобой!

Но Мария уже уходила, бросив сестре:

– Я скоро приду, стой здесь!

Пробираясь в толпе к дороге, увидела – стояли бабушка и мама, переговариваясь с соседями.

Мария бежала запыхавшись. Ей надо успеть вернуться обратно к выходу жениха и невесты из дома. Когда их будут посыпать родители зерном.

Она успела, пробралась сквозь толпу и стала около сестры. Даже успела поправить на шее сбившуюся косынку и пригладить волосы. Одной рукой. Вторая была занята. Она поддерживала под мышкой что-то, завернутое в старую пожелтевшую газету.

Жених и невеста вышли. Гул в толпе вмиг прекратился, все замерли. Пара идет медленно, дает время всем полюбоваться. Мария тоже любит. Женский голос громким шепотом произнес:

– Ну и что? Толстушка, да. Но смотри, как красиво идут! А платье какое! На груди рюшечки, словно лебяжий пух!

Мария очнулась, зашелестела газетой, бросила ее на землю и, подняв вверх руку с розой (а это была именно роза!), ринулась вперед. Остановилась только перед женихом и, глядя ему в глаза, протянула цветок. Жених машинально взял из рук девочки розу и, не зная, что с ней делать, по-джентльменски начал приспосабливать цветок к груди невесты.

Сделать это оказалось легко, роза уютно легла на пышную горизонтальную грудь, слегка прикрывшись рюшами. Марийке хотелось увидеть еще раз розу, она ее очень любила. Девочка даже привстала на цыпочки, но увидела лишь зеленый хвостик от розы...

Затем заиграл оркестр, Мария вернулась к сестре. Галя смотрела на все непонимающе и спросила Марийку:

– А где ты взяла этот цветок? У нас дома в букете похожая роза.

* * *

А потом наступила расплата. Можно даже добавить «за любовь», но Мария тогда не знала, что за любовь расплачиваются.

К вечеру все собрались за ужином. Обговаривали свадьбу.

– Говорили, какой-то ребенок выбежал вперед молодых и жениху цветок подарил. Мы с тобой, Катя, поздно пришли и далеко стояли, ничего не видели.

– Я тоже что-то такое слышала, Настя говорила, – ответила Катерина.

Галя, отложив ложку в сторону, громко провозгласила:

– Это наша Марийка подарила жениху розу, бумажную. Таковую, как у нас в букете, что мама купила.

Все прекратили жевать и обратили глаза к Марии в немом вопросе. У Марийки ложка брякнула о стол, затем, отскочив, упала на пол. Все молчали, затем как по команде поднялись и ринулись к парадной комнате. Открыла дверь бабушка. Розы в букете не было. Мария так и сидела за столом на кухне...

* * *

Мама била ее по рукам. Сначала было больно, потом привыкла. И слезы только поначалу текли. И когда бабушка отходила веником по попе, глаза у Марийки были совсем сухими. А бабушка приговаривала:

– Выродок какой-то растет, а не ребенок! Как учудит что-нибудь, попробуй разберись, в чем дело?

Наподдала Галя:

– Я же вам говорила, что наша Марийка любит этого дядьку, который жених. Поэтому и нашу розу ему отдала.

Бабушка, к тому времени заканчивающая процедуру с веником, услышав про любовь, замахнулась еще раз и с силой прошла уже по спине девочки, восклицая:

– Вот я тебе веником покажу любовь!

* * *

Даже сейчас Мария иногда себя спрашивает: «Была ли это первая любовь?» Четкого ответа у нее до сих пор нет. Но стоит вспомнить эту тему, как перед глазами четко вырисовываются длинные ресницы Леньки, его гладкое, свежесбритое лицо. А еще – галифе, гимнастерка и галстук. И красивее розы, подаренной Леньке, она до сих пор так и не увидела.

Алиса Лунина

Алиса Лунина – писательница, сценарист, профессиональная выдумщица и неисправимый оптимист. «Писать книги, – рассказывает Алиса, – я начала еще в детстве, тогда же и захотела стать писательницей; правда, от детства до исполнения моей мечты пришлось прожить целую взрослую жизнь! И все-таки однажды моя детская мечта исполнилась: придуманные мной истории стали выходить в виде книг, а некоторые легли в основу художественных фильмов («Новогодний рейс», режиссер Нана Джорджадзе, «За пять минут до января», режиссер Ольга Доброва-Куликова). В своих книгах я и пишу о том, что наши мечты, если очень в них верить и идти к ним навстречу, непременно сбываются!»

Саша навсегда

Среди своих детских фотографий я особенно люблю ту, на обороте которой маминой рукой написано: «Озеро Еловое, Лесе – десять лет». Леся – это я. Красный сарафан, растрепанные волосы и особенная улыбка – счастливого, влюбленного человека... Ту Лесю и меня сегодняшнюю разделяет целая вечность, и даже страны, в которой жила та девочка, больше нет ни на одной карте, и все же, глядя на эту фотографию, я могу легко перемахнуть через разделяющую нас вечность, через все свои январы и июли, и вернуться в ту страну и в то удивительное лето.

...Итак, мне десять лет, я живу на Урале, и этим летом мама, устав от моих бесконечных ангин, привезла меня лечиться в детский санаторий.

Несмотря на то что санаторий оказался хорошим (чистый, звенящий воздух, вековые сосны и ели, рядом чудесное озеро Еловое), в первые дни по приезде я отчаянно скучала. С утра ходила на дурацкие процедуры, предписанные врачом, а потом сидела в нашем номере с книжкой в руках. Мне очень хотелось поскорее завести друзей и проводить время не в душном номере, а в лесу, на озере, с веселой компанией, однако познакомиться с кем-то из сверстников я здесь пока не успела.

На третий день, одурев от одиночества и скуки, я взяла ракетки для бадминтона, вышла на дальнюю санаторскую аллею и стала играть в бадминтон сама с собой, при этом вторая ракетка сиротливо лежала рядом на траве. Вскоре проходивший мимо мальчишка моего возраста предложил играть вместе. Ракетка пружинила, воланчик взмывал в небо – вверх-вниз, мы с моим новым знакомым о чем-то переговаривались, смеялись, и вдруг... Мальчишка, не рассчитав сил, так подкинул воланчик, что он в итоге оказался на дереве и завис на ветках, примерно на высоте второго этажа. Мой партнер по бадминтону подбежал к дереву, pokrutil головой, пожал плечами и... быстренько смылся, предоставив мне самой разбираться с возникшей проблемой. Он-то убежал, а я осталась стоять с глупым видом – ведь ракетки с воланчиком я одолжила у маминых знакомых, и их надо было вернуть! Бездна моего отчаяния была беспредельной. К отчаянию примешивалась и обида на сбежавшего «героя» – как так, оставил женщину в трудной ситуации, а сам сбежал?! И вот – стою под деревом, не то чтобы рыдаю, но уже близко к этому...

И тут... появился ОН! Невысокий, худой, светлоголовый, вихрастый и очень серьезный. По виду – мой ровесник. Незнакомец подошел ко мне и нарочито безразлично, сплунув через плечо для важности, спросил: «Что случилось?»

Я ракеткой махнула вверх, указав на белеющий среди веток воланчик. Серьезный пацан кивнул и тут же полез на дерево. Забравшись наверх, он сбросил мне воланчик, прыгнул вниз и ушел – не стоит благодарностей! А я еще долго смотрела ему вслед. Герой пришел из ниоткуда и ушел в никуда – скрылся за горизонтом (возможно, чтобы спасти кого-то еще!). В моих глазах он уже был д'Артаньяном (хотя мне всегда больше нравился благородный Атос), себя же я видела спасенной королевой, которой вернули ее подвески.

Мне хотелось продолжить знакомство со своим спасителем и отблагодарить его. В поисках незнакомца я исходила весь санаторий и к вечеру нашла героя. Я подошла к парню, назвала свое имя, мы познакомились. Выяснилось, что звать его Сашей и что сюда он приехал со своей бабушкой. Мою благодарность Саша воспринял со сдержанной иронией, пожал плечами: да ну делов-то, ерунда! И закрыл тему, предложив поиграть в «ножички».

Потом мы самозабвенно резались в «ножички», вонзая Сашин перочинный нож в землю и кромсая ее, а потом высекали из асфальта искры специальным камнем (этот камень в моем детстве считался волшебным и назывался камень-сверкач), после чего побежали на озеро – пускать блинчики по воде, затем придумали что-то еще. Мой новый знакомый с радо-

стью отзывался на любое мое предложение и сам подавал удивительно толковые, дельные идеи. В тот день мы играли до чернильной темноты, пока нас не позвали спать. А наутро, не сговариваясь, встретились на том же месте и снова были вместе до звезд и родительских окриков. За один день наше знакомство выросло в настоящую, большую дружбу. В детстве так бывает.

И началась счастливая летняя вольница. Искушенные комарами, исцарапанные, со сбитыми коленками (куда-то мы все лезли, прыгали, расшибались в неугомонной жажде все разведать, объять), дни напролет мы проводили, так и просится сказать, на воле, исследовали окрестности, бегали в лес и на озеро. К тому времени мы с Сашей уже перезнакомились со всеми санаторскими ребятами и играли с ними в наши любимые дворовые игры: в войнушку, вышибалы, пятнашки, «глухой телефон», «горячую картошку» и в «три мушкетера».

...Невольно думаю, что советские дети, у которых был свой особенный мир – дворов и улиц, в определенном смысле счастливее современных детей. Мы – дети Советского Союза, проводили детство во дворах, предоставленные сами себе. Двор был нашей вселенной, здесь складывались дружбы, зарождались первые влюбленности, разыгрывались шекспировские страсти (Андрюха бросил Наташку и теперь «ходит» с Катей из шестого «А», вот это дааааа, ну вообще! А Серега с Димкой подрались из-за Оксаны, а она пошла в кино с Мишкой!). Во дворах мы выросли, набирались опыта, постигали жизнь с ее радостями и жестокостью, со всем прекрасным и ужасным, что в ней есть. Мне кажется, что современные дети со всеми их кружками, секциями и репетиторами, отгороженные от реального мира огромным компьютерным экраном, лишены опыта дворовой школы жизни, обделены той радостью общения, что была у нас. Хотя, наверное, в заменивших дворы социальных сетях также складываются дружбы на век, кипят нешуточные страсти и кто-то говорит кому-то «главные слова»...

И возвращаясь в то лето...

Среди прочих мы любили игру, которая называлась «кондалы». Сейчас думаю: почему кон-да-лы? Вроде логичнее – кандалы? Но нет – у нас были именно кондалы, мы и орали так: «Кондалы закованы, кондалы, раскуйте нас!» Суть игры заключалась в следующем: игроки делились на две команды, выстраивались в ряд и брали друг друга за руки, затем игрок из одной команды бежал, стараясь разбить своим телом цепочку рук ребят из другой команды. Если у него получалось разомкнуть сцепленные руки противников, он забирал одного игрока в свою команду; если он не смог разорвать строй, он становился частью чужой команды.

Для игры в «кондалы» мы собирались целой бандой (десятка два детей разных возрастов) и шли на небольшое поле за санаторием. Мальчишек-девчонок набиралось примерно поровну. Подозреваю, что вообще весь смак этой странной игры в «кондалы» и заключался в том, что мальчишки играли вместе с девочками; тут и зарождались первые симпатии и первые эротические переживания. И даже – первые признания в чувствах; понятно же, что, если мальчик уводит в качестве трофея из соседней команды все время одну и ту же девочку, это означает, что он в нее влюблен и имеет мужество признаться перед всеми. И девочка в этом случае волнуется, млеет и чувствует себя немножко принцессой.

Помню, что в самый первый раз, когда мы начали играть, нас с Сашей разделили. Я оказалась в одной команде, он – в другой. Мы стояли и смотрели друг на друга. Глаза у Саши были серые-серые, как небо перед грозой. А небо как раз сгущалось, и где-то за лесом собиралась гроза. Мне почему-то вдруг – на мгновение – стало трудно дышать, и я поняла, что между нами что-то произошло. Буквально сверкнуло. И что наша с Сашей дружба за один миг превратилась в любовь. У детей, да и у взрослых, так бывает. Мне вообще кажется, что только так и бывает.

В следующую минуту Саша снарядами ворвался в нашу команду, разбил цепочку и, взяв меня за руку, увел за собой. Теперь мы стояли вместе, судорожно сцепив руки, готовые отражать натиск противников. Очень скоро наши с Сашей чувства стали очевидны для

окружающих (подозреваю, что у детей звериный нюх на такие вещи), и мальчишки начали подначивать Сашу, поддразнивать его. Теперь пацаны из другой команды намеренно пытались разбить наши руки, и, когда им это удавалось, уводили меня. Тогда Саша морщился и бежал меня отвоевывать. Разбив «кондалы», он забирал меня в свою команду. Возвращал нас – друг другу. Иногда в игре выходило так, что мне выпадало разбивать «кондалы», и я всегда бежала туда, где стоял Саша. Для меня что-то невыразимо эротичное было в том, чтобы со всего маху удариться о его руки всем телом.

В тот день, после игры в «кондалы», Саша подарил мне букетик ромашек. Белые, с кружком солнца внутри (мои первые), самые лучшие на свете цветы. Помню, что уселась на поваленную березу и принялась старательно обрывать лепестки на одной из ромашек, гадая: любит – не любит, любит – не любит... Общипать до конца не успела, потому что рядом раздалось Сашино басовитое: «Хватит ерундой заниматься, идем на озеро!» Любит! И так ясно. «На озеро? Идем!»

Поздно вечером, вернувшись в номер, где мы жили с мамой, я вложила один цветок между страницами (вот так – на вечную память!) в свою тетрадь со всякой девчачьей дребеденью. Тогда у всех девчонок были такие тетрадки, куда записывали какие-нибудь жуткие стихи и не менее жуткие – про вдребезги любовь – песни. Тексты, надо сказать, были те еще! «Вдали бушуют камыши, судили парня молодого, он был красив и молчалив, но в жизни сделал много злого...» Или, скажем, песня про моряков-моряков: «В нашу гавань заходили корабли-корабли. Большие корабли из океана. В тавернах веселились моряки-моряки и пили за здоровье атамана!» Я частенько с надрывом пела про этих самых моряков-моряков (не просто каких-нибудь обычных моряков, а именно так – моряков-о-моряков!). Или был еще такой шедевр: «В одном городе жила парочка, у шахтера – жена-счетовод, и была у них дочка Аллочка, и пошел ей тринадцатый год...» А далее по тексту разворачивалась такая трагедия, что я прямо рыдала над судьбой бедной Аллочки, мне было ее навзрыд жалко.

Даже сейчас, спустя годы, покраснеешь, вспомнив эту невообразимую мешанину из пошловатой лирики, городского фольклора и блатных песен, которой были заполнены наши тетради! А тогда мы воспринимали эти незатейливые стихи и песни всерьез – заучивали их наизусть, обливались над ними слезами, испытывая в финале – как и положено – мощный катарсис!

В ту ночь, переживая свою нечаянную, обрушившуюся на меня, как неотвратимое стихийное явление, первую любовь, я спряталась с фонариком под одеялом и долго листала заветную тетрадку. Я замирала над стихами про «вдребезги любовь» и испытывала небывалое доселе волнение, восторг и трепет нового, очень важного чувства.

Наутро, проснувшись, я сразу подумала о Саше и почувствовала горячую, бешеную радость. Радость была в этом солнечном утре, в стоящем в стакане на столе букете ромашек, в корзинке с черникой, которую мы собирали прямо за санаторием, в чирикавшем на подоконнике дурашливом воробье... Мир сочился радостью, я вся была заполнена радостью – еще немного, и она начала бы переливаться через края... Натянув красный сарафан, я понеслась на встречу с Сашей.

...И все у нас было хорошо. Очень хорошо. Я просто физически ощущала огромное – до неба – счастье. Вот только нам с Сашей изрядно досаждала его бабушка – старенькая, сухонькая, седая. Она имела свойство появляться в самый неподходящий момент и кричать Саше, чтобы он не бегал – не прыгал, а ходил спокойно или вообще сидел на лавочке. Я недоумевала: чего это она, с какой стати Саша должен сидеть на лавочке?! Саша, завидев ее, всякий раз ужасно злился и старался от нее спрятаться.

Ни о себе, ни о своей жизни Саша никогда ничего не рассказывал. Пару раз я пыталась его расспросить о родителях, в какой школе он учится, чем увлекается, но, поняв, что на эти темы он говорить категорически не хочет, перестала спрашивать.

А потом я узнала правду.

* * *

Это получилось как-то случайно. Я ждала Сашу возле столовой, он вот-вот должен был выйти. Мимо по аллее прошла его бабушка. Когда она зашла в лечебный корпус, я услышала, как одна из отдохавших неподалеку на скамейке медсестер сказала своей собеседнице: «Вот ведь бедная... Привезла сюда внука. А внук – не жилец. У пацана тяжелое заболевание сердца. С таким долго не живут. У него и мать умерла от сердца...»

Застыв от какой-то странной, разрывающей боли, я слушала дальше.

Оказывается, Сашу воспитывает бабушка, потому что его мама умерла от сердечной болезни. Собственно, кроме бабушки, у Саши никого нет. Сюда его привезли «лечить сердце». «Хотя, что там лечить, – вздохнула медсестра, – когда двойной порок...» Потом она сказала, что Саше нельзя бегать, прыгать, играть в футбол, кататься на велосипеде, купаться в озере – ему противопоказаны любые физические нагрузки. Мгновенно вспомнив наши игры в «кондалы», то, как он лез на дерево за моим воланчиком, и наши сумасшедшие гонки на велике, я похолодела от ужаса: значит, все это ему – нельзя?!

Все же у меня оставалась какая-то надежда: может, эта тетка что-то... перепутала? Да, перепутала его с кем-то другим! В тот же день я спросила у Саши: «У тебя... больное сердце?»

И сразу, по какой-то мелькнувшей в его серых глазах злости (откуда знаешь?!), поняла, что все – правда.

Позже ту же историю о Саше кто-то рассказал нашей соседке по номеру. Да, Саша серьезно болен, бабушка растит его одна, что будет дальше – никто не знает, врачи не дают никаких гарантий...

– Да к черту все! – беспечно сказал мне Саша в тот миг. – Давай... в кондалы?

Я замялась – но как же...

– Все нормально, – хмыкнул Саша и за руку потащил меня на поле, где уже собралась вся санаторская банда.

Я понимала: он не хотел, чтобы его жалели. Сама мысль о том, что его могут жалеть, была для него невыносима.

Кондалы закованы, кондалы раскованы! Он снова упрямо бежал за мной, изо всех сил стараясь расцепить чужие руки. Только теперь я не могла не думать о том, что все это причиняет Саше физическую боль, о которой можно было догадаться по его чуть сведенным скулам, закусанной губе, побледневшему лицу. Зная о том, что он преодолевает боль вновь и вновь, ради меня, я воспринимала его жертвенность как подвиг любви. Как рыцарство. В Сашиной готовности презирать свою болезнь и боль было столько отваги и мужества, что только за эти качества его можно было полюбить навсегда. Когда он разбивал «кондалы» и брал меня за руку (о, этот гордый взгляд победителя!), я шла за ним молча и покорно, как женщина за своим мужчиной, и это было прекрасно; так в десять лет я между делом поняла, что феминизм, уж увольте, не для меня. После игры, оглядывая друг друга, смеялись – у нас обоих руки были в синяках. У меня синяки были еще и на груди – ибо я разбивала своей пока несформировавшейся девчачьей грудью «кондалы» крепких мальчишеских рук со всем отчаянием. А любовь требует жертв – да, это мы понимали уже в свои десять.

Что касается Сашиной болезни... Мне кажется, тогда я не думала о том, что он может умереть. Наверное, в ту пору я понимала смерть как что-то отвлеченное, как нечто, что не может случиться со мной или с теми, кого я люблю. Смерть была призрачной, эфемерной. Вот смерть мы в десять лет еще не понимали. Хотя не буду говорить за Сашу...

Помню, однажды в нашей санаторской детской компании кто-то стал рассказывать о своей мечте; завелась беседа о том, кто кем хочет быть, когда вырастет. Красивая девочка Оля с огромным бантом на макушке манерно поведала нам и мирозданию о том, что станет актрисой; рыжий Юра признался, что мечтает стать милиционером, как Глеб Жеглов; я сказала, что моя мечта – стать писателем и дописать два недавно начатых мною романа (фантастический и про пиратов); а когда очередь дошла до Саши, он ничего не сказал.

– У тебя что, нет мечты? – хихикнула раскрасавица и будущая актриса Оля.

Саша промолчал, только мускулы на лице как-то напряглись.

– Совсем нет мечты? – не унималась Оля.

Мне захотелось задушить Олю ее бантом и оградить Сашу от бестактных вопросов. Я понимала, что у Саши есть мечта, только он о ней не хочет никому говорить; мечта – победить свою болезнь, выжить. Но кроме нас с ним этого никто не мог понять, и потому мы просто взяли и ушли из этой компании. Вдвоем. Два одиночества – это уже целый союз.

Сидели на берегу озера. День был ветреный, ветер гнал волны. Саша насупился, молчал. Чтобы его как-то развеселить, я спела ему дурацкую песню про моряков-моряков, пересказала ему содержание своего ужасного романа про пиратов, а затем еще и фантастического. Саша внимательно слушал, время от времени одобрительно кивал. По завершении моего сольного выступления он сказал единственное, но очень важное для меня слово: «Нормально!» Я приободрилась, потому что он произнес это слово с интонацией, не оставляющей сомнений в том, что мои романы и песни – весьма приличного качества. Да. «Нормально» из Сашиных уст означало: отлично! талантливо! бесподобно! Саше больше и не надо было ничего говорить – не в словах дело, – потому что в его серых глазах (цвета неба перед грозой или озера в такой вот ветреный день) было и восхищение, и одобрение всех моих прошлых и будущих действий.

Саша вообще по природе своей был молчаливым, и, оставаясь наедине, мы зачастую просто молчали. Ходили вместе по берегу озера или по лесу и молчали. Нам было хорошо вместе даже молчать. Мы научились понимать друг друга без слов. Помню, что, завидев Сашину бабушку, которая везде нас искала (бедная, бедная бабушка! сейчас я понимаю, как она страдала от невозможности что-то изменить и помочь Саше), мы молча переглядывались и бежали прятаться.

Но однажды, незадолго до прощания, мне все же захотелось сказать ему какие-то важные, главные слова. Тогда, глядя на Сашу, я вдруг почувствовала, как меня переполняет что-то большое, прекрасное, настоящее, и мне захотелось выразить это чувство, облечь его в правильные слова. Но в десять лет я таких слов не знала, а потому растерялась и брякнула бессвязное: «Саша... навсегда!»

Впрочем, мне кажется, что Саша в тот миг понял все, что я хотела сказать. Он кивнул и сильно сжал мою руку.

«Навсегда!»

* * *

А потом все закончилось. Мы с мамой уехали из санатория, или Саша уехал – не помню уже, да это и не важно. Суть в том, что мы с ним потерялись, разминулись. Потом я думала, что надо было взять у него домашний адрес, можно ведь было писать друг другу, как-то поддерживать связь; можно, но... нельзя, потому что в десять лет ты таких вещей не понимаешь.

И лето как-то быстро закончилось, на горизонте уже заплакала дождями осень, и замаячила ненавистная школа. В ту осень мне было грустно и плохо, без Саши ничто не имело смысла. С тоски я даже уничтожила оба своих незаконченных романа – и про пиратов, и фантастический... Опыт первых потерь и первых разочарований – всегда тяжелый, болез-

ненный, на разрыв; зато через боль и страдание мы быстро взрослеем. Я стремительно взрослела, перерастала свои детские тетрадки с глупыми стишками и песенками про моряков-моряков (теперь мне нравились другие стихи и другие песни – я переписывала в тетрадь стихи Есенина и слушала песни Высоцкого) и стыдилась прежних увлечений...

И только за тебя, Саша, мне никогда не было стыдно. Вырастая из себя прежней, меняя взгляды, вкусы, размеры одежды, я оставалась верной своей первой любви. Нашу с тобой историю, Саша, я не переросла и по сей день, и считаю встречу с тобой одним из самых лучших и ярких событий своей жизни.

...Лет через пять после того лета, уже будучи пятнадцатилетним подростком, я стала думать о том, как можно было бы тебя найти, и пришла к выводу, что единственный вариант – поехать в тот санаторий на озеро Еловое и упросить его сотрудников поднять архивы с данными об отдыхающих в таком-то году... На миг у меня зародилась надежда: а вдруг получится?! Но тут же погасла – да ну, ерунда, там меня никто и слушать не станет или сразу спросят, зачем мне нужна эта информация?! И что – я им буду рассказывать про свою первую любовь?! Да и были ли архивы в этом санатории в восемьдесят каком-то маховом году?

Нет, Саша, мы были обречены на разлуку.

...После нашей разлуки у меня впереди была целая жизнь со своими горестями, радостями, победами, поражениями, другими встречами и другими расставаниями... Я – любила, и любили меня... Как пишут в романах: шли годы...

Прошло мое детство, прошла юность, теперь уже можно сказать, что и молодость прошла; и сейчас, в пору зрелости, я понимаю, что от первой любви в жизни вообще многое зависит. Думаю, что в определенном смысле первая любовь определяет нашу последующую жизнь. Я благодарна судьбе за то, что у меня была именно такая первая любовь... И благодарна тебе, Саша, за то, что ты стал моей первой любовью (а я – хочется верить – твоей?!), а еще я благодарна тебе за то, что ты показал мне, каким должен быть мужчина и как он должен относиться к женщине. Позже я буду искать твою силу, присущее тебе мужество, чувство достоинства, твое пренебрежение к слабости и твое геройство в других мужчинах, и однажды найду, в одном, – но это совсем другая история...

Саша, я могла не вспоминать о тебе годами, а потом вдруг, через десять, двадцать лет, однажды вспомнить тебя – обычно это случалось ночью, во сне – и, почувствовав пронзительную нежность, вздохнуть: где ты сейчас? Ведь я так ничего о тебе и не знаю, Саша... Может быть, лето, когда мы с тобой встретились, было последним в твоей жизни, и, умирая, ты вспоминал меня, а может, ты выздоровел, вырос, где-то живешь, и, если тебя кто-то спросит о твоей первой любви, ты вспомнишь не меня, а кого-то другого...

А знаешь, Саша, моя детская мечта сбылась: я выросла и стала писать книги (возможно, для того, чтобы однажды написать этот рассказ о тебе), и мне яростно хочется верить в то, что и твоя мечта, Саша, исполнилась, и ты свою болезнь победил. Как бы там ни было, но и теперь, спустя тридцать с лишним лет, я говорю тебе те же бессвязные, но искренние – из самого сердца – слова: «Саша... навсегда!»

* * *

Я смотрю на свою детскую фотографию. За окном серенькое зимнее утро. Идет снег. С выцветшего от времени снимка мне улыбается девчонка в красном сарафане.

Да, той страны, в которой был сделан этот снимок, больше нет... Я имею в виду даже не СССР – эту затонувшую Атлантиду, а ту страну, что зовется Детством, куда, как поется в песне, нельзя купить билет. Но странное дело, Саша, мне совсем не трудно, перескочив через свои январь и июли, оказаться в том звенящем, изумрудном лете, которое для меня

никогда не заканчивалось. Там где-то, на берегу уральского озера, среди вековых сосен и елей, навсегда остались и бродят, взявшись за руки, две наши счастливые тени. И нет ни пространства, ни времени, а только лето, детство и огромное – до неба – счастье.

«Кондалы закованы, кондалы раскованы!»

Через годы, Саша, я слышу твой голос, вижу, как ты бежишь ко мне навстречу, и свет того лета освещает всю мою жизнь.

Влада Юрьева

Влада убеждена, что для хорошей книги нужны интересные герои и необычное место действия – поэтому никогда не отказывается от путешествий и странных компаний. В вечной борьбе осторожности и любопытства она часто подыгрывает любопытству, ведь каждый риск может стать ярким впечатлением, отраженным в книге. Преданная поклонница фантастики, которая подводит детектив к грани возможного, но всегда останавливается у черты, потому что настоящая магия не в сказках, а вокруг нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.